

**СЕРГЕЙ
ХАРДИН**

**СЕРГЕЙ
ИЗМАЙЛОВ**

Drak Art

КОРПОРАЦИЯ

WALLEN

3

OK

Сергей Измайлов

Корпорация Vallen'ок 3

«Автор»

«Автор»

2025

Измайлов С.

Корпорация Vallen'ок 3 / С. Измайлов — «Автор», «Автор»,
2025

Стая воронов кружит над Джуном, но у него в руках нить Ариадны, которая выведет его из лабиринта интриг и подлянок, осталось лишь немного напрячься и не падать духом. Новые знакомства, новые факты, появляется новый враг, но Джуну к этому не привыкать.

© Измайлов С., 2025

© Автор, 2025

© Автор, 2025

Содержание

Корпорация	5
Глава 1	6
Глава 2	11
Глава 3	16
Глава 4	21
Глава 5	26
Глава 6	32
Глава 7	37
Глава 8	42
Глава 9	47
Конец ознакомительного фрагмента.	49

Сергей Хардин, Сергей Измайлов

Корпорация Vallen'ок 3

Корпорация

Vallen
,
ok
3

Глава 1

Я протёр глаза, ощущая словно песок под веками от почти бессонной ночи. На экране в момент входящего видеовызова было написано: «Сугиями Йоширо». Странно, я же его домой отправлял, а прийти так рано он вряд ли мог, время всего семь утра.

– Слушаю, Сугиями-сан, – произнёс я, сдерживая зевок. Похоже, он звонит из порта. – Но я, кажется, сказал Вам ехать домой отсыпаться?

– Всё верно, Канэко-сан, – голос ассистента был на удивление бодрым, – но ехать домой мне далековато, да и Вы всё одно меня бы потом сюда отправили. А любезный Исикава-сан предоставил мне возможность поспать в раздевалке докеров. Там правда всё пропахло солёным запахом моря и солярккой, а кровать оказалась чуть мягче камня, зато я выгадал пару лишних часов сна.

– Видимо это ответная услуга с его стороны после нашего твита, – улыбнулся я, – но что за проблемы у нас теперь?

– Трал не сможет проехать по указанному маршруту, – собравшись с духом, протараторил он, в его голосе проскакивали нотки отчаяния. – Дорога уже чем наша конструкция. Кажется, какие-то высшие силы сговорились поставить нам подножку.

– Быть того не может, – ответил я, сжимая ладони в кулаки под столом. Должны были и прежние логисты смотреть, и Хиго говорил об этом.

Йоширо переключил камеру смартфона, чтобы продемонстрировать своё окружение. Огромный трал, на нём такая же огромная стальная болванка, и несколько людей, стоящих возле неширокого проулка. Камера начала скакать, Сугиями решил пробежаться, и вот объектив упёрся в какой-то кирпичный выступ.

– Вот это нам мешает, – отдышавшись, продолжил говорить мой помощник, – его нет на плане, и именно он не дает проехать нашему тралу, будто чья-то злая шутка. Сразу скажу, водитель у нас самый опытный, его Накамура-сан постоянно использует в особых случаях, но даже он разводит руками.

Холодная волна раздражения навалилась на меня, взгляд упал на таймер на экране, минус сутки от общего времени, а мы только и смогли, что снять турбину с корабля. В это время в кабинет вошли трое моих коллег, их шаги гулко отзывались в тишине, и я повесил трубку.

– Хиго-сан, – обернулся я к Изао, занятому непринужденным разговором с остальными. От моего ледяного тона он резко замолчал и уставился на меня. – Напомните мне, разве не Вы вчера на этом самом месте говорили о необходимости тестового проезда в симуляции?

– Эм, – бедняга чуть не подавился кофе, – ну да, говорил, кажется, похожие мысли. – Его глаза метнулись в сторону, словно ища там спасение.

– И по Вашей неуверенности я могу сделать вывод, что дальше слов это не ушло? – улыбка моментально спала с моего лица, оставив лишь стальную маску, которой я сейчас прожигал его своим взглядом. – Или всё-таки я ошибаюсь?

Лицо Хиго Изао резко побледнело, он сделал судорожный глоток из стакана и трясущейся рукой поставил кофе на стол.

– Понимаете, Канэко-сан, – пробормотал Хиго, теребя манжет рукава – наши коллеги, начинавшие это «мероприятие», уже проводили данную симуляцию. Их результаты есть в переданной нам папке. А повторные запросы противоречат нашим инструкциям, Вы же знаете. Алгоритм уже выдал своё заключение, не было никаких поводов его оспаривать. – Из его уст это звучало, словно он ссылался на Святое Писание.

Я медленно начал закипать, гнев начал klokотать где-то внутри меня. Всё, как всегда, любая идеально просчитанная операция накрывается из-за одного неумного человека. В дан-

ном случае их было минимум двое, и оба прятались за своими бумажками как за каменной стеной.

– И я только сейчас это узнаю, – устало подытожил я, проводя рукой по лицу. – Подойдите, я покажу Ваш алгоритм поближе.

Изао опасливо приблизился ко мне, словно приближаясь к краю пропасти, и я снова запустил записанное видео с причала. Метровый кирпичный выступ стоял аккуратно на нашем пути, именно этой малости не хватало водителю, чтобы выехать с территории. Система представляла только эту дорогу для наших целей, прочие проезды были слишком малы для нас, но цифровой мир оказался отличным от реального.

Ассистент переключился на видеовызов. Картинка заплясала в руках бегущего Йоширо, и первое, что я смог разглядеть, было свинцовое небо, низкое и тяжелое, которое словно придавливало город к земле. Следом мы оказались в узком коридоре, в начале которого стояла махина трала. Он ревел движком, словно раненный зверь, попавший в ловушку охотника, его выхлоп клубился черным дымом, но трал не трогался с места. Сугиями приблизился, и я понял, в чём причина задержки – выступ вентиляционный шахты не давал ему проехать, водитель впритирку приблизился в противоположной стене, и, казалось, вот еще немного, и пройдем, но увы.

Я покосился на таймер на большом экране, количество часов стремительно уменьшалось, а мы сделали только первый шаг и застряли. Рядом на мониторе мигала точка – место текущего нахождения турбины, и никакой помехи на цифровой карте там не было.

– Сугиями-сан, – резко скомандовал я, – снимете поближе этот чёртов клык, что впился в нашу единственную тропу спасения, покажите нашего врага крупным кадром.

– Смотрите, Канэко-сан, – голос ассистента терялся среди шума ветра в этих помещениях, – кажется, он довольно старый, если сравнивать с кладкой стен. И водитель испробовал все способы, но не проходит, а раз он не пройдет, значит никто. Либо стены смещать на полметра, или «снести» эту помеху. – Последнее он произнёс шепотом, словно боялся, что его подслушают.

– Снести?! – Мой кулак с шумом обрушился на стол, хорошо, что в такое раннее время никого не было, – Бюрократия затянется на недели, если не на месяцы. И то, если не найдётся чиновник, который будет ныть о культурном наследии этой “конструкции”. Тебе ли не знать, что в нашем распоряжении уже немногим больше трёх суток.

В голове стучало: “Думай, Джун, думай!”. Обычными методами мы не справимся, здесь нужно мыслить нестандартно. И у меня как раз есть такой сотрудник.

– Накамура-сан, – я повернулся к парню, – Вы же в работе постоянно имеете дело со сложностями и форс-мажорами?

– А еще работаю в постоянном дедлайне, – улыбнулся тот, – а главное – не ценят меня тут. – Он скорчил жалостливую гримасу, правда ненадолго. – Что мне жаловаться, Вы такой же человек, как и я. Выпрашивать стоит только у Хосино-сан, – тут он вмиг посерьезнел. – но это дохлый номер.

– Так Вы мне не ответили, – решил я прервать его спич, – есть ли в Вашем распоряжении этакая бригада «УХ»?

– Не совсем понял Ваш вопрос, Канэко-сан, – Накамура ухмыльнулся в ответ на мои слова, – но кажется у меня есть то, что Вам нужно. – Он некоторое время ковырялся в телефоне, прежде чем переслал мне один контакт, “Морита Дэйчи”.

– И что он может? – поинтересовался я, пытаюсь скрыть скепсис, – а то парикмахер мне сейчас, к примеру, не нужен. Скорее нужен волшебник.

– Поверьте, Канэко-сан, – улыбка не сходила с лица Рю, – если он что-то не может сделать, значит оно так не делается.

Короткий разговор по телефону, и пара часов ожидания, не самый плохой вариант даже в нашем случае. Единственное, по поводу оплаты их “художеств” Накамура уточнил, следует согласовывать заранее, чтобы не оказаться самому нанимателем и плательщиком в одном лице.

Очередное письмо на оплату отправилось на рабочую почту Хосино, когда поступил новый звонок от Сигуями. Резкий, рвущий уши скрежет тормозов ворвался в видеовызов, заглушив на мгновение даже вой ветра и шум работающих кранов на причале. За спиной Иоширо, подняв клубящееся облако едкой пыли, резко остановился старый раздолбанный грузовик, выкрашенный в цвет, эмм, ржавчины? Из его кузова, словно демоны, вызванные из самой преисподней индустриального ада, высыпали пятеро рабочих. Их лица были суровы, почти также, как и их транспорт. Впереди них шел, очевидно, их бригадир Морита Дэйчи – невысокий, плотный японец с лицом, покрытым сетью глубоких морщин. Один глаз был прищурен, отчего возникало бредовое сравнение его с пиратом. Без единого лишнего слова, он врубился в поле зрения камеры планшета Сугиями, его грязный, покрытый застарелыми масляными пятнами палец ткнул в экран с яростью, способной пробить стекло.

Голос мастера прорезал эфир низкими, хриплыми звуками:

– Канэко-сан?! – человек искренне радовался тому, что он может быть полезен. – Очень приятно, с Вами мы еще не работали. Но, вижу, начало крепкой дружбы положено. Эта здоровенная болванка, – он показал пальцем на турбину, – та еще проблема. Но в принципе она проходит, условно. – Он старательно ловил кадр, чтобы его объяснения были максимально понятны. – Конструкция этой вентиляционной шахты отнюдь не капитальна. Я вообще не понимаю, за счёт чего она держится, тем более что, судя по ней, она если и использовалась, то задолго до моего рождения. – Он смачно сплюнул и расхохотался, чем еще больше напомнил мне старого пирата на пенсии.

– Так какой Ваш вердикт, Морита-сан? – время неумолимо капало, и это было не в нашу пользу. – Вы же понимаете зачем Вы здесь?

– Обожаю работать с Vallen, – он широко улыбнулся, – платите по-царски и такие же поручения даёте. Принеси то, сам не знаю, что, и в том же духе. Но меня не проведёшь, – он погрозил пальцем перед телефоном. – Все деньги будут освоены.

После этих слов он мне стал напоминать целый класс людей на моей прежней Родине, у них тоже была цель в жизни – всё освоить. До последней копейки, надеюсь в этом измерении таких нет, да и дороги целы. И каждый второй – Ломоносов. Надо будет поинтересоваться как выдастся свободная минутка, что ли.

– Мы её аккуратно вырежем, как хирург опухоль, – подытожил Дэйчи, – вжик и всё, будто и не было. Вот только есть проблема, – уже гораздо тише произнёс он.

– Что ещё? – я даже и не сомневался, что за одной бедой будет другая. Эта, казалось бы, несложная задача, уже давно превратилась в сложную, но с каждым новым «но» она крайне быстро увеличивалась в уровнях.

– Вибрация, черт бы её побрал! – зарычал он. – Отрежем эту дрянь, и вон тому навесу придёт кирдык. Кто вообще догадался сделать несколько пролетов навеса на такой высоте? Отчего он помогает? От подглядывания инопланетян? Дождю так она совсем не проблема. В общем, имейте в виду, просто так мы её не разберем, нужны дополнительные опорные стойки. А вот какие, хороший вопрос. Сейчас снимем замеры и скажу. Эй, бездельники, выметайтесь!

Он с силой стукнул по кунгу, что в воздух поднялась ржавчина от бортов. Причем облако было таким большим, что я без труда рассмотрел его на экране своего телефона.

Его слова совместно с весьма тяжелым шлепком сработали как выстрел стартового пистолета. Рабочие начали вытаскивать на дорогу какие-то инструменты. Лазерные дальномеры вспыхивали в пыльной полумгле проезда, формируя странные, абстрактные фигуры. Голоса, перекрывая друг друга, выкрикивали цифры, требования, предупреждения. Расчеты выкрики-

вали на ходу, и они, сливаясь со свистом ветра и грохотом портовых кранов, формировались в какой-то безумный и опасный танец.

– Сугиями-сан, – вернулся я к своему ассистенту, – не отходите от этих, – я замялся, подбирая верное определение, – проверяйте, что там делает этот мастер-ломастеров. Любой момент согласовываем со мной.

– Канэко-сан, – замялся парнишка, – тут такое дело. А кто-нибудь согласовывал снос этой постройки? Это не земля корпорации, мы здесь лишь как постоянные заказчики, не более.

Предъява была верная на сто процентов, но, как говорится, победителей не судят. А в этой схватке проиграть я просто не мог. Любой другой исход я даже не рассматривал, гоня от себя подобные упаднические мысли.

– Коллеги! – я резко обернулся на своих «подчиненных», отчего двое из них вздрогнули, лишь Судзуки продолжала стоять без малейшего движения. – Есть предложения?! Хотя это даже не вопрос, нам нужна любая рабочая идея по этому поводу.

– Думаю, она у меня есть, – неторопливо произнёс Хиго, с удовольствием откидываясь в спинку кресла. – Я вчера решил-таки перепроверить наш маршрут. Да, да, Канэко-сан, я понимаю, что уже немного поздно было для этого.

– Лучше поздно, чем никогда, – устало произнёс я и продолжил. – сказала Анна Каренина, смотря вслед уходящему поезду.

– Это откуда такое? – заинтересовался Накамура, – мне подобное изречение не знакомо.

– Скажем так, – аккуратно подбирая подходящие слова, – это свободное цитирование одного иностранного автора, который, кстати, в свои затёртые годы учил наш язык.

– И что в итоге? – поинтересовался Изао, – у него получилось?

– Боюсь, что нет, – произнёс я, – умер.

– Неудивительно, – ответил Накамура, – наш язык весьма сложен для дилетанта.

Я не стал его переубеждать, параллельно с нашим диалогом, я быстро набрасывал очередное письмо для Хосино. В этот раз поставлю отметку о необходимости уведомлять о прочтении, а то эта редиска перестала реагировать на мои запросы. Да и в целом, в кабинете я его уже сутки не видел. Не знал бы, какой это человек, решил бы что именно он лично сейчас освобождает наше препятствие. А что, если?

– Да, да, я весь в Вашем внимании, – скороговоркой, но без какой-либо эмоции в голове произнёс Хосино. Судя по скорости ответа, он буквально ссорся с телефонной трубкой аккурат перед моим звонком.

– Хосино-сан! Срочно. – Я особо выделил последнее слово. – Критическая потребность. Нам нужны шесть телескопических стоек, грузоподъемность – порядка трёх-четырёх тонн каждая. В идеале нужны в пределах пары часов, потом возможны еще большие осложнения, поэтому постарайтесь ни минутой больше. Контакты передаст мой помощник Сугиями Йоширо. Отбой связи!

– Два часа?! Это невозможно! – Голос из трубки был пронзительным, словно на грани истерического срыва. – Совершенно! Бухгалтерия требует смету, техническое обоснование, три визы! Главный бухгалтер – уехал на переговоры, он вообще сейчас в воздухе, связи с ним нет! Мы не можем просто так оплачивать любой счёт, это же нарушение всех протоколов! Казначейство разорвет нас!

Я не дал ему договорить. Мой голос прервал его истерику словно низким, грозным раскатом, от которого, казалось, задрожали даже стены в переговорной:

– Хосино-сан! – Каждое моё слово было словно ударом молота по наковальне. – Если этих стоек не будет через два часа, трал превратится в вечный памятник нашей нерасторопности, а сама турбина из важнейшего приобретения города станет всего лишь дорогостоящим арт-объектом! Сроки проекта и так горят ко всем чертям! И как Вы сами думаете, кого в итоге сочтут виноватым? Разве не руководителя, не обеспечившего критически важные ресурсы в

сложный момент! – Я сделал паузу, достаточную, чтобы ужас осознания проник в сознание человека на другом конце. – Сугиями, записывай этот разговор! Готовь протокол об отказе в предоставлении ресурсов немедленно!

В трубке воцарилась мертвая тишина, равно как и в нашем импровизированном штабе. Настолько мёртвая, что можно было услышать собственное сердцебиение. Я немного блефовал, но раз Хосино уже сутки даже не заходил к нам, то откуда он мог знать, что мой помощник сейчас на другом конце города, в порту.

Спустя некоторое время, кажется, прошло несколько минут, прежде чем из телефона донесся звук. Не прежний истерический возглас, но глухой протяжный стон, словно из горла загнанного и смертельно раненого зверя.

– Ла... Ладно! – Голос Хосино, когда он наконец заговорил, был сдавленным, и в его шепоте чётко звучали нотки отчаяния. – Боже правый, что же это творится. Жду, жду реквизиты. Я выбью, должен выбить их, под свою ответственность.

Раздался шелчок в трубке, и связь оборвалась. В моих ушах осталась лишь бездыханная тишина, тяжелее прежней, и давившая на виски предчувствием новых, неизбежных сложностей.

Глава 2

Площадка, ставшая для нас непреодолимым препятствием, погрузилась в инфернальный хаос, словно превратилась в филиал строительного ада на земле. Сугиями, на которого «старик-волшебник» Морита натянул каску, словно заправский папарацци, жался к стенам, но искал всё более и более острые углы для съёмки. Даже из его отрывочного видеокалейдоскопа было ясно, что парни взялись за это дело серьезно. Нечеловечески пронзительный визг оборудования резал слух, словно трубы Страшного суда, заставляя сжимать зубы до хруста. Строители предпочитали больше пилить, чем долбить, тем самым, не допуская излишних вибраций, их движения были резкими, точными, будто в смертельном танце с непокорным металлом. Временами снопы искр говорили о том, что и металлоконструкции этого «апендицита» не могут остановить человеческий энтузиазм, подстегнутый обещанием весьма щедрой премии. Каждая искра казалась крохотной вспышкой надежды.

Но временами раздавались глухие удары кувалд, заставляя пульсировать виски и отдавать в сердце, словно в такт этой индустриальной пляски смерти. Порой голоса строителей старались перекрыть всю какофонию, но до микрофона в телефоне долетали лишь обрывочные звуки: «Держи, еще, сильнее, давай!».

Пыль, поднятая ветром и ударами строителей, висела в воздухе плотной пеленой, закручивалась в настолько странные вихри, что только добавляло сюрреализма этой картине. Сугиями прижимался ближе к телефону, почти уткнувшись губами в микрофон, чтобы переорать окружающий его шум. Его голос сквозь помехи звучал как из бункера.

– Канэко-сан, они как титаны, – охрипшим голосом произнёс он, в его тоне смешались восхищение и страх, – а Морита-сан вообще кажется всюду. Он работает везде, и его крик получается слышать в каждом углу, это что-то невероятное. Он сам дымит как паровоз, весь покрытый слоем сажи и пота, но между тем умудрился сейчас залезть под самые балки, и с той высоты покрыть трехэтажным одного из своих работников. Матерщина льётся рекой, точная и образная, это надо слышать.

Внезапно раздался оглушительный треск, словно сломалась гигантская кость. Вслед за этим звуком раздался оглушительный, звенящий грохот упавшего металла. Земля, казалось, содрогнулась. Прозвучало так сильно, словно раздался гром среди ясного неба. Мой ассистент вскрикнул, коротко, но так пронзительно, что его ужас передался всем присутствующим в переговорной. Камера в его руках резко дёрнулась, и окружающий мир заплесал перед нами. На экране мелькали обрывки неба, стен, испуганных лиц.

– Балка! – голос Иоширо был сдавлен, и буквально пропитан ужасом. – Она упала, буквально в метре от машины, это было так страшно!

Но его голос моментально перекрыл не крик, а самый настоящий рёв, низкий, яростный, звериный, заглушивший весь строительный шум на площадке.

– Я же предупреждал! – голос явно принадлежал самому главному мастеровому – Морите Дэйчи. – Говорил же, аккуратнее! Почему упор не проконтролировал? – он явно обращался к кому-то за кадром, но окончания слов терялись за междометиями и ругательствами, сыпавшимися градом, точными и уничтожающими, которыми прораб сыпал так филигранно, что я и сам заслушался. – Отвечай, тебе говорю, ты там живой? Если живой, я тебе сейчас покажу! Где твои глаза были, а?! В заднице?!

– Да живой я, живой, босс! – голос виноватого «бойца» был полон ярости и адреналина, и в то же время облегчения, – отскочил в последний момент. Упор был, там кладка частично осыпалась, вот балку и повело. Чуть не придавило!

По площадке прокатился почти слышимый, коллективный вздох облегчения – громче, чем мог бы быть в этом грохоте. Руки ребят дрожали, лица под касками и масками были белы

как мел. Но что-то переломилось, словно страх, ранее сковывавший их движения, сменился слепой, безумной яростью. Яростью выживших, которых смерть лишь лизнула, но не забрала.

– Давай! – проревел кто-то из команды, и голос его был хриплым от напряжения, но не сломленным. – Режь дальше, старик, еще немного! Добьем эту падаль!

И работа продолжилась. Часы тянулись с невыносимой, адской медлительностью, каждая минута казалась вечностью, наполненной скрежетом и криками, и только таймер с методичностью робота отсчитывал всё более и более уменьшавшиеся цифры.

Наконец, сквозь завесу пыли, явилось чудо, рожденное не из света, а из грязи и металла. По периметру нашего проезда высились шесть металлических «ног», чьи хромированные стальные поверхности сияли в полумраке стройки едва уловимой, но всё же надеждой. Они стояли, как исполинские стражи, принявшие на себя тяжесть неба. Рабочие, изможденные до предела, сгорбленные, но не сломленные, покрытые слоем пота, сажи и металлической пыли, превратившиеся в живые статуи из серого камня, с глазами, красными от напряжения и дыма, стояли возле них, опираясь на инструменты или просто друг на друга. Воздух рвал лязг тяжелого металла о бетон, мощные домкраты выравнивали последние сантиметры навеса.

Голоса, уже хриплые от усталости, но всё одно полные ярости, доносились даже сюда:

– Давай! Сюда! Быстрее! – Сугиями стоял в отдалении, очевидно после случившегося ранее «недоразумения» его прогнали куда подальше. – Закрепляй, черт тебя побери! Теперь они всё выдержат!

Прораб Морита медленно приблизился к камере Сугиями. Его шаги были тяжелыми, но неуклонными, а лицо стало неподвижной маской из засохшей грязи, въевшейся сажи и немой усталости. Но в одном прищуренном глазу, сквозь пелену измождения, горела не гаснущая искра, холодная, граничащая с одержимостью. Он вытер лицо ветошью, превратившейся в черную, маслянисто-кровавую тряпку (свежий порез на губе сочился, смешиваясь с грязью), и его хриплый голос прозвучал с пугающей непоколебимостью:

– Канэко-сан, все подпорки теперь стоят как скалы. Сейчас уберем остатки этого «аппендицита», – Он сделал паузу, сплёвывая невидимую грязь. – Самый последний, на самом верху. Он там держится за счет арматуры, но я не хочу рисковать. Если этот гад решит сверзнуться вниз, когда трал будет проезжать под ним, может случиться казус, а я такого не могу допустить. – Его взгляд уперся прямо в объектив, будто стараясь увидеть меня сквозь экран. – Минут через двадцать ваша дорога будет открыта. Но мы тут ещё задержимся, надо после себя и порядок навести. Не любим мусорить.

Он оскалился, обнажив черный провал на месте отсутствующего зуба, остальные зубы казались невероятно белоснежными на фоне закопченного лица.

– Молитесь своим бумажным богам, белоручки, – он захохотал и пошёл обратно, в ту стихию, в которой буквально царствовал, и принадлежностью к которой так гордился. Сейчас он напоминал уже не старого пирата, а, скорее, древнего бога-кузнеца Гефеста, сошедшего с Олимпа в адскую кузницу, тем более что обстановка более чем соответствовала.

Его фигура в старой, потёртой спецовке удалялась в сторону того самого, последнего удара. Пожалуй, именно с такой самоубийственной твёрдостью самураи шли в бой за своего господина. Вдалеке ударил ослепительный сноп искр, но сам мир словно замер. И не просто замер, а словно затаился в ожидании чего-то великого. Даже вечно мешающий ветер стих, словно придавленный всей тяжестью происходящего действия.

И в этой внезапной, гнетущей тишине бушевал лишь автоген в руках старого строителя. Его рёв заполнил собой всё пространство, одинокий и яростный. Сугиями всё-таки подкрался ближе, чтобы и нам передать всю торжественность момента, благо, все прочие работники были также увлечены лицезрением своего славного командира. Рёв автогена, такой яростный, словно

инфернальный, рвал окружающее безмолвие. Шипение разрезаемой стали словно заменило предсмертный хрип этого «клыка», который выпил у нас столько крови. Камера дрожала, очевидно Сигуями тоже прочувствовал всю силу этого момента, даже мои коллеги, сидя в прохладной и уютной переговорной, были под впечатлением увиденного.

Последние, самые яркие искры вспыхнули, ослепив камеру на мгновение, как прощальная вспышка сверхновой звезды. Раздался глубокий, земной стон – долгий, мучительный скрип рвущегося металла как звук рвущихся связок этого гиганта. И тогда он рухнул. Огромный, ржавый клык остатков вентиляционной шахты, содрогнувшись, обрушился на землю. Взметнулась пыль, на некоторое время скрывшее от нас всё происходящее. Иоширо, судя по качаниям видео, продолжил приближаться к эпицентру случившегося. Наконец этот «туман войны» рассеялся, и нам предстал полностью открытый для проезда путь.

Мгновения тишины взорвал рёв ликования.

– Морита-сама! – кричали его люди, срывая голоса, и, кажется, в этом рёве я слышал и крик моего помощника-ботаника. Босс, ты это сделал!

Рабочие, могучие, как медведи, выламывающиеся из зимней спячки, бросились к своему начальнику. Они хлопали его по плечам, трясли руки, обнимали, рыча от восторга и напряжения. Их лица, искаженные улыбками сквозь сажу и пот, сияли чистой, но дикой радостью победителей.

Бригадир Морита, отбиваясь от восторженных похлопываний, кричал водителю, перекрывая гул своим хриплым, но непобедимым голосом:

– Ну, шофер?! – Он вытер пот с лица грязным рукавом, оставив новые полосы на и без того черной маске. – Путь очищен! Видишь?! Как по паркету! Вези свое «стальное сердце», пока мы и её на мусор не отволокли! – Он оскалился в знакомой ухмылке, блеснув черной дырой вместо зуба. – И пива захвати на обратном пути, бочку, а то в горле пересохло!

– Канэко-сан, – обратился ко мне Сугиями, – командуйте. Путь свободен.

Мои коллеги втроём уставились на меня, по их виду было заметно колоссальное внутреннее напряжение, пронизывающее их. Я не стал тянуть, тем более что время играло не в нашу пользу.

– Ну, поехали, – процитировал я одного великого человека, который доказал, что свалить с нашей синей планеты, увы, невозможно. – Только аккуратно.

Трал завелся, подняв новую волну пыли и медленно тронулся по новому коридору.

– Канэко-сан! Мы проезжаем, Вы слышите меня? – Иоширо, казалось, сам задержал дыхание в тот момент, когда наш транспорт плавно въезжал в проулок. Слышно было только низкий, утробный гул мотора трала. – Зазор, буквально вплотную, прямо на волоске. – Снова он замолчал, когда очередная пара колес проезжала это «бутылочное горлышко». – Но он проезжает! – в его словах звучало ликование. – Проезжает! Мы сделали это! Вы это сделали, Канэко-сан.

– Скорее уж Морита-сан с его «дьяволами», – откликнулся я, – поблаговари его от моего имени. И скажи, как только я избавлюсь от этой «хреновины», лично привезу ему бочку пива!

На экране значок нашей турбины дрогнул и направился по указанному маршруту. Вот теперь цифровая карта нашей миссии полностью совпадала с настоящей, физической. В принципе, мы всего лишь привели в соответствие местность. Как там говорилось в одном фильме? Мы вручную меняем ландшафты. Осталось дело за малым, решить бумажный вопрос, хотя у меня уже возникла мысль, в случае возникновения спорной ситуации, сказать, что так и было. И карта вон подтверждает. Но это уже после, мы снова потеряли день на фазу, которая в плане должна была занять полчаса. Дедлайн медленно, но неумолимо протягивал свои мерзкие, холодные руки к нашим сердцам.

На экране видеосвязи застыла картинка – трал, медленно проезжающий мимо свежей раны в кирпичной плоти здания, и издающий мощный, победный гудок. Оставляющий за собой

клубы дыма, золотистую взвесь пыли и героев, оставшихся на поле этой странной, индустриальной брани. Закопченных, уставших, но непокоренных победителей.

Я нажал кнопку отбоя вызова и рухнул в кресло, как подкошенный. Волна адреналина, что держала меня в тонусе все эти бесконечные часы, одномоментно схлынула, оставив после себя лишь дремотную пустоту. Моё тело налилось свинцовой тяжестью, каждая мышца горела глухим огнём усталости, а горло пересохло так, что каждый глоток воздуха обдирал, словно наждаком. Жгло даже веки, такое чувство, что я даже перестал моргать, чтобы не пропустить ни мгновения. В стекло переговорной я видел наших сотрудников, занимающихся текущей работой, но стена словно отделяла два мира. И тот мир казался каким-то далёким и нереальным, но увы, именно по его правилам мы и должны были играть. Осознание того, что я взял на себя очень многое, отравляло то чувство победы, которое до сих пор горело внутри.

Я связался с водителем трала.

– Утида-сан, – слова резали горло, и я потянулся к кулеру. Накамура опередил меня, налив и поставив передо мной три стакана воды. Я благодарственно кивнул ему, и только после того, как выпил залпом всю предложенную мне жидкость, продолжил. – Осторожнее на выезде, там довольно крутой поворот, но, во всяком случае, его ширина полностью соответствует расчетной. Следующая точка с потенциальной проблематикой – мост Эн семь.

На флешке от «руконогих коллег» этот мостик был отмечен как «крайне аккуратно проезжать», без уточнений. Я уже понял, что их данным нет особо никакого доверия, но времени пересчитать всё тоже не было. Да и слишком нестандартным был наш груз, под такие условия доставки, боюсь, было крайне мало вариантов. Но пару ласковых высказать я им всё же хотел. Я сейчас обратил внимание, что в отчете использовались данные годичной давности. По спине снова пробежал мерзкий холодок, м-да, закончу с этой проблемой, обязательно пообщаюсь с автором этого «квеста», и, скорее всего, даже ногами.

Дверь кабинета скрипнула. На пороге замер Хосино. Его вид был жалок: помятый костюм, взъерошенные волосы, глаза бегали, как у загнанного зверька. Голос его пищал, тонкий и потерянный, как писк мыши в подвале, совсем непохожий на того высокомерного засранца, что отчитывал меня в кабинете несколько дней назад.

– Канэко-сан! Финансовый отдел, – он сглотнул ком. – Они рвут и мечут! Требуют мою голову за этот аванс! Без смет, без тендера, без аналитики! И Исикава-сан, – Хосино заломил руки. – Звонил опять, он клянется разорвать все договоры! Подать в суд, на меня, на Вас, на Vallen! Он же нас уничтожит, морская логистика вся проходит через него, а это львиная доля наших экспортных направлений! А ещё, – Хосино стал судорожно поправлять галстук, в итоге сделав свой внешний вид еще хуже, чем был. – Он в курсе нашего... Вашего самоуправства со зданием, будь он неладен.

Я поднял взгляд, но не на него, а на таймер в общем зале. Осталось чуть больше полутора суток, последние пара дней прошли в каком-то бешеном экспресс режиме, но дело еще не закончилось. Следовало отправить мою команду на отдых, но по их напряженным лицам я понял, что добровольно их отсюда не вывести. Надо же, пусть и таким сложным путём, но у меня вышло собрать настоящую команду, правильно говорят, что ничто так не сплачивает людей, как общая беда.

Битва в доках, сражение за проулок, сколько еще нам предстоит сложностей, прежде чем мы закончим начатое. Я медленно прикрыл глаза, тем самым отсекая жалкий писк своего начальника. Стали всплывать картины последних событий, и это было гораздо важнее, чем нытьё из-за отсутствия жалкой бумажки. Но теперь оставалось только успешно закончить миссию. Победителей не принято судить, и это, пожалуй, был мой единственный шанс остаться на плаву.

Вот только, даже после таких побед, сама война еще не выиграна. Следующим пунктом нашего маршрута был мост, данные о котором были старше, чем ископаемые динозавры. Утри-

рую, конечно, но в нашем современном «быстром» мире год был весьма большой величиной. Холодный осадок предчувствия беды отравлял, и гроза уже темнела на горизонте, а первыми её отголосками и служил слезливый лепет Хосино.

Глава 3

Синева экранов мониторов в переговорной поглощала последний дневной свет. Это дополнительно давило на сознание – понимание того, что время ни на минуту не прекращает свой бег. Цифры неумолимо приближались к нулю, еще одно «недоразумение», и надежд на попадание во временное окно для своевременного монтажа турбины на станции не останется. Общий зал отдела практически опустел, оставив только дежурных по разным направлениям для своевременной помощи нам. Хиго, Судзуки и Накамура отказались покинуть работу, пока дело не сделано. Приятно понимать, что даже такие, достаточно эгоистичные люди ставят общую цель выше своих.

Спёртый воздух не мог победить даже кондиционер, работающий на максимуме. На мониторе мигала точкой машина с турбиной, сейчас она находилась аккурат в ста метрах от очередной «ненадежной» точки нашего маршрута. Спутниковый снимок не давал всей картины, просто большой мост через ныне обмелевшую речку. Вся надежда на компетентность водителя трала да сообразительность Сигуями, который отказался отправляться домой и сейчас ехал в кабине вместе с Утида-сан. Камера продолжала фиксировать всё происходящее, хотя по-честному, подобное онлайн-шоу порядком надоело.

В свете фар появилось основание моста, но сначала в глаза бросился знак, установленный на обочине. Он гласил: «Временное ограничение по весу. До ста десяти тонн». Знак, судя по подписи, был установлен дорожной инспекцией, вот только дату было уже не разобрать, в этом месте написанное уже пришло в негодность. Я полез в данные информационной папки – ни слова про ограничения по весу, но сами данные со спутника в файле не отличались «свежестью». Судя по их данным, равно и тем, что мне смог найти сейчас Хиго, по нему спокойно могла ехать абсолютно любая техника, поэтому данный маршрут и был выбран. Странно что наш «нестандарт» не передвигается в сопровождении машин местных «гайцов», но на это был официальный ответ от службы, что при следовании согласованным маршрутом в указанное окно сопровождение не обязательно. Любопытно, они для нас на несколько дней закрыли часть транспортных артерий, что ли.

Голос моего ассистента вырвал меня из раздумий.

– Канэко-сан, – раздался голос из динамика, немного приглушенный равномерным гулом двигателя, – мы подъезжаем, но вот вопрос. Знак есть, но явно старый, болтается на одной петле. Надписи уже местами затёрты, мы должны его вообще принимать во внимание?

Раздался хлопок двери, и в камере появилось лицо пожилого водителя.

– Канэко-сан, – Утида вытер вспотевший лоб платком, – мост и правда старый, на одной из опор трещина, заделанная, но на мой взгляд как-то, неаккуратно, что ли. Выглядит как заплатка, честное слово. Но и сам ограничительный знак как будто забыли тут.

– Так он болтается еле-еле, – вставил своё мнение Йоширо, – может я его того?

– Так, – нехотя сказал я, – не надо ничего того, ожидайте дальнейших указаний, я пока отключаюсь.

Выключив микрофон, я обратился к присутствующим.

– Итак, Хиго-сан, – парень внимательно смотрел на меня, – Вот условия задачи: есть мост, который считается доступным для нашего проезда. Есть, якобы, ограничение по весу. Кстати, сколько наш транспорт будет в килограммах?

– В килограммах очень много, улыбнулся Накамура, – в тоннах гораздо меньше. Наша турбина порядка сотни, в техзадании и техпаспорте число несколько отличается, видимо зависит от её непосредственной комплектации, но по этой статье данных у нас нет. Да и Бог с ними, это не настолько важно. Тягач с тралом в снаряженном состоянии под тридцать тонн. Итого мы имеем потенциальный перегруз порядка двадцати тонн плюс-минус. Ну и я не считал вес

водителя и его «спутника», потому что не имею корректных данных по ним. – Он широко улыбался, хотя я не принял это на свой счёт. Я уже понял, что этому парню действительно нравилась его работа на острове, на грани. Прочее было для него невозможной рутинной.

– Значит, если возьмём за основу что данные на плакате более актуальны, нежели наши, – тут я сделал паузу, – нам следует менять маршрут. Что нам предлагает Ваш гениальный алгоритм, Хиго-сан?

– Одну минуту, Канэко-сан, – Изао споро замолотил пальцами по клавиатуре, – есть вот такое предложение, – он вывел данные на общий большой монитор, – но тут мы видим целых три потенциальных «бутылочных горлышка», плюс отсутствие компьютерной модуляции, то есть эта дорога автоматически считается нежелательной. Ну и вишенкой на тортик – это крюк минимум на пару часов нашему «троянскому коню». Хотя вру, самое сложное будет теперь развернуться, места здесь будет явно недостаточно нашему «Буцефалу».

Стены просторной переговорной словно внезапно сжались, словно попали в ледяные тиски. На лица присутствующих легла тень, новая неприятность грозила стать тем камнем преткновения, о которые разобьются все наши прежние достижения.

– Так, хватит грустить, – резко произнёс я, чем заставил всех встрепенуться, – уныние – грех. Раз мы поняли, что иной вариант для нас всё одно не подходит, будем придерживаться первого плана. Хиго-сан, загружайте в Ваш чудесный алгоритм все имеющиеся у нас данные. С весом пассажиров Вам с удовольствием поможет Накамура-сан.

Тот вздрогнул и поднял на меня глаза, вечная ухмылка сначала поникла, но спустя несколько секунд снова заглась на его лице. Он единственный, кто сразу понял мою задумку, сразу же погрузившись в сложные расчёты.

– Канэко-сан, – Изао непонимающе уставился на меня, – но что Вы хотите получить за ответ?

– Коллега, молчите и делайте, что Вам велено, – Рю решил ускорить его самолично, – мы сейчас сделаем то, чего даже я раньше не делал.

– Верно, Накамура-сан, – я был приятно удивлён реакцией Рю, – мы должны рассчитать абсолютно точный маршрут нашего «бегемота».

– С его весом это скорее целый зоопарк, – усмехнулась Судзуки, – раз я пока не нужна, пойду принесу всем кофе, иначе мы не переживём этот очень долгий рабочий день.

– Сколько надо времени на решение поставленной задачи, – я отвлёк Хиго от его мыслительного процесса, потому что у меня перед глазами продолжал тикать таймер обратного отсчёта. Теперь счёт буквально шёл пусть и не на минуты, но уже и не на часы.

– Порядка получаса, может немногим более, – отозвался тот, задумчиво грызя ручку, – слишком много переменных, я вообще не знаю, возможно ли это.

– У Вас есть пятнадцать минут, – отрезал я, – время слишком дорогой и невосполнимый для нас ресурс.

После этих слов он начал ещё быстрее тыкать по клавиатуре, не сказав мне в ответ ни слова. Видимо он тоже проникся общей идеей совершить невозможное.

Камера телефона Сугиями стала нашими глазами на месте событий. Мы отдали последние команды нашему водителю и всё, что мы могли теперь сделать – только смотреть. Йоширо заблаговременно вылез из кабины, и теперь мы видели в панораме наш предстоящий путь.

Достаточно узкая для наших габаритов проезжая часть, облезлый местами асфальт, мелкие трещинки на бордюрах – всё это навевало не самые невесёлые мысли. Криво висящий плакат с предупреждением был завершающей частью этой картины.

– Утида-сан, Вы всё поняли? – повторно спросил я у него, – едем левее от центра, не сбавляя скорость и не прибавляя. Рекомендовано от восьми до десяти километров, как бы не хотелось прибавить чтобы проскочить. Ваши габариты такое, увы, не позволят, скорее наоборот.

– Канэко-сан, – услышал я слева шёпот Накамуры, – Вы точно уверены? Знаете, я сам любитель рискованных решений в сложных задачах, но эта, не побоюсь этого слова, афёра даже для меня за пределами понимания.

– Сплюньте, коллега, – также тихо прошептал я. – Наш искусственный интеллект и то выдал запредельное количество процентов успеха нашего мероприятия. Теперь самое главное в руках Вашего протеже-водителя. Я боюсь только его ошибки.

– Утида-сан перевёз больше рискованных грузов чем у нас в небоскрёбе кружек, – с уважением произнёс мой собеседник, – если и есть кто-то, кому можно доверить подобное, то только ему.

«С Богом» – сказал я про себя и вслух добавил:

– Повторю слова первого космонавта на нашем земном шарике, – и после недолгой паузы закончил. – Поехали!

Тягач медленно тронулся в направлении моста, камера медленно тронулась за ним.

– Сугиями-сан, – произнёс я лично ему с другого телефона, – Вас я попрошу остаться на этой стороне. Сугубо на всякий случай.

– Я поехал, – раздался голос Утиды, спокойный, словно он соглашался выпить чаю, – Вас понял, беру левее, скорость девять километров, не останавливаться.

Мотор на секунду взревел, но не яростно, а низким, сосредоточенным гулом. Вся многотонная махина плавно, почти невесомо тронулась, и первые колеса коснулись уже непосредственно моста. Все замерли, боясь даже дышать, единственный звук был только от работающего двигателя. Раздался скрип, но машина не дёрнулась вперед, а все также медленно и грациозно продолжила своё движение.

– Крепления турбины, – раздался пугающий своим спокойствием голос шофёра, – ничего страшного, она хорошо закреплена.

В голове проскакивали цифры компьютерной имитации, скачущие проценты при разных условиях проезда. Машина между тем продолжала свой неспешный путь по мосту. Скрип больше не пугал нас, и стало слышно глубокое дыхание каждого из членов нашей команды.

– Скорость ровно девять километров, – продолжал комментировать свою поездку водитель, – чувствую некоторую вибрацию, но ничего больше.

Двигатель словно загудел громче, скрип начал переходить в визг, моя рука с телефоном непроизвольно напряглась так, что побелели костяшки пальцев.

– Выезжаю, последние метры, – продолжал докладывать Утида, чьему спокойствию стоило только позавидовать.

Задние колеса трала, огромные и медленные, съехали с последнего метра моста на дорогу. Раздался грохот, который в тишине офиса показался оглушительным, но это был всего лишь звук качнувшейся турбины.

Все синхронно выдохнули, Сигуями что-то радостно булькнул в микрофон и, судя по скачкам камеры, побежал догонять тягач.

– Мы сделали это, – интонация Судзуки была мягко сказать, неуверенной. – Неужели у нас получилось?

– Вот потому, что именно у нас, – я сделал акцент на последнем слове, – поэтому и получилось. Могу рассказать притчу про мудреца и много веточек, но думаю, всё и так ясно.

Я закрыл глаза, позволив на секунду волне леденящей усталости накрыть с головой. Свинцовые веки, ватные ноги, сухость в горле – будто я сам был за рулём в тот момент.

Голос Накамуры врезался в тишину моих размышлений, словно нож:

– Канэко-сан, – его буквально распирало от гордости, – мы сделали это, Вы сделали это. Всё, снимаю шляпу и отдаю её Вам. Грустно осознавать, что мой титул главного «решалы» уходит от меня, но это гораздо выше моего уровня. Но согласитесь, водитель то каков? Говорил же, что на него можно положиться.

– Я одного не понимаю, – Судзуки подошла сзади и влезла в наш диалог, – но какой идиот делал расчёты по этой операции? В каком дьявольском цирке мы сейчас участвуем? Из-за этих кривых данных мы уже в который раз делаем невозможное! И как всё это пропустила система?

Я открыл было рот, чтобы максимально корректно ответить девушке, но тут раздался холодный и беспристрастный голос Изао. Сначала вообще показалось, что с нами заговорил робот.

– Были использованы неактуальные данные стороннего источника, – его спокойный медленный тон начал немного напрягать. – Сходные параметры системы содержали критическую ошибку, вернее даже не одну. Рискованное решение Канэко-сан, основанное на субъективной оценке водителя, позволило сэкономить приблизительно четыре часа операционного времени. Однако, оно категорически противоречит регламентам безопасности Vallen. Пункт семь три один о приоритете актуальных системных данных, пункт девять четыре пять о запрете на эксплуатацию инфраструктуры за пределами сертифицированных параметров.

Он на мгновение остановился, но сразу продолжил вещать всё тем же, спокойным тоном:

– Дополнительно мы нарушили пункт одиннадцать, в котором говорится об игнорировании автоматизированного плана действий. А значит, – тут он прервался и продолжил уже «живым» голосом. – Автоматически будет создан протокол нарушения, за это отвечает автоматическая система мониторинга отклонений. – Он вздохнул, – с приложением всех имеющихся данных, включая записи переговоров, все загруженные нами расчёты, да вообще всё, до чего может дотянуться система. А это очень и очень плохо.

Последняя фраза прозвучала не как угроза, скорее как констатация факта, имеющего ценность для нашего понимания.

– Единственное положительное в нашем «мероприятии», – он через силу улыбнулся, – что подобные данные реального стресс-теста никогда бы не получились в симуляции.

Снова у нас в помещении словно замерло само время. Мы переглядывались друг на друга, не в силах произнести ни слова. Понимание, что за наш «подвиг» мы можем лишиться многого, здорово отрезвляло. Но я снова повернулся к таймеру и произнёс:

– Давайте решать проблемы по мере их поступления, – успокоил я коллег, – мы еще в тайминге, и нам остался самый последний рывок.

В дверях кабинета замаячил Хосино, его лицо было цвета морской волны, а руки тряслись так, что бумаги выпадали на пол.

– Канэко-сан, – голос его дрожал, – тут у входа в здание стоят машины. Полиция и, кажется, кто-то из мэрии. Требуют официальных объяснений, на почту тоже пришёл экстренный запрос по ситуации с турбиной. И там фигурирует формулировка «безрассудной эксплуатации критически поврежденного объекта городской инфраструктуры под предельной нагрузкой». Вам это о чём-то говорит? Они угрожают нам лишением лицензии компании на городские перевозки по всему региону. Я о чём-то не знаю?

Слова Хосино ударили по нам, как молотом. Отзыв лицензии – это очень и очень серьезно. Это уже не просто скандал, это возможный паралич всей нашей логистики как минимум в Осаке. Цена нашей победы экстремально росла в геометрической прогрессии. Я рывком поднялся со стула. Всё тело ныло, а каждая косточка напоминала о часах немыслимого напряжения.

– Хосино-сан, – спокойно произнёс я, – Полиция и мэрия – ваша зона ответственности как руководителя отдела. Вот и напрягите свои связи, кого угодно. Объясните всё случившееся экстренной необходимостью. Сошлитесь на ошибку в данных. Хотя, стоп, забудьте всё, что я Вам сказал. Тяните время, сделайте что угодно. Напоите их кофе до позеленения, плевать. Уберите их отсюда и займите чем-нибудь. Письменный запрос просто игнорируйте, скажите не получали. Я потом всё сам решу.

Я увидел в глазах Хосино сначала облегчение, конечно, отвечать за это будет не он. Но сразу появился и страх, очевидно он понимал, что даже его связей может не хватить против такого скандала. Понял, наконец, что его голова и особенно та часть тела, которая приросла к креслу руководителя, напрямую зависит от моих действий. Отлично, теперь он, хочет или не хочет, тоже в нашей команде. Эх, какую дрим-тим собрал кризис на работе, аж душа радуется.

Впереди нас ждал кран, исполинский, словно холодный стальной паук. Ждал бетонный фундамент под столь ценную для города электростанцию, ждали монтажники, собранные со всей Японии для скорейшего запуска. Впереди был финальный, и самый ответственный этап нашей операции. Но странные ошибки и сбои в нашей системе, бюрократические ножи и политические грозы продолжали сгущаться тучами над всеми нами. Но, холодная речь Хиго о нарушениях протокола была лишь констатацией факта, а не личным выпадом. Лишь запрос мэрии был реальной угрозой. Но во всей этой мгле начали появляться светлые точки – командная работа топов отдела. Интерес Хиго, признание Накамуры, даже участие вечно ледяной Судзуки. Может еще не союзники, но уже и не враги и не нейтралы. Но время текло сквозь пальцы, как песок. Очередная битва, в этот раз за мост, тоже была выиграна. Осталось последнее поле боя, и имя его было «кран».

Глава 4

Итак, я смог выгадать небольшую передышку, хотя время уже поджимало. Радует одно, озадачив Хосино, я убил двух зайцев: полезным делом начальника, пусть борется за свой «трон», параллельно прикрывая нас, и оставил всех своих бойцов возле себя. Терять хоть одного помощника было смерти подобно. В это время на связь со мной снова вышел Сигуями.

– Канэко-сан, – голос у него был бодрый и весьма довольный, – мы на финишной прямой, подъезжаем к стройплощадке. – Картинка с телефона и правда фиксировала приближающиеся ворота. Парень верно забыл, что сам тягач с самого первого метра отражается в нашей программе.

– Однако, – раздался голос водителя, – и как они это предлагают сделать?

– Что случилось? – уже ничему не удивляясь произнес я. – Утида-сан, не молчите.

– Я не смогу встать как они планировали, – его голос, как всегда, был абсолютно спокоен. – Не с этой бандурой сзади точно.

Я, в свою очередь, старался разобрать хоть что-то на экране, но операторские данные моего помощника оставляли желать лучшего. Единственно, что я понял из этого репортажа из кабины, что площадка плотно заставлена строительными материалами, оборудованием и прочей нечистью. Мой ассистент выбрался из тягача и пошёл осматривать окрестности.

– Босс, – обратился ко мне Йоширо, – подтверждаю визуально. Зазор между левым бортом трала и краном – не более полуметра. Правая сторона вообще впритык к ограждению склада. – Его голос прервался скрежетом металла. – Осторожно! Задели угол защитного кожуха. Не страшно, но места тут кот наплакал. Запланированное для нас место явно не соответствует нашим реальным габаритам, тут явно какая-то ошибка.

Я обернулся на Хиго.

– Хиго-сан, – обратился я к нему, – проверьте, что там по техзаданию для монтажников.

– Уже смотрю, – улыбнулся он. Надо же, не прошло и пары суток, как он полюбил слаженную работу в команде. Вот что сильнейший кризис с людьми делает.

– Кажется, я нашел в чем проблема, – через несколько минут он подбежал с планшетом ко мне, – вот, Канэко-сан, смотрите. – Стилусом он обрисовал некую площадь на участке. Наши габариты несколько больше, чем было заявлено строителям. Вот они и заставили остальное пространство чем могли.

Я лишь вздохнул, подобное было мне знакомо, я, правда, надеялся что с местным менталитетом всё будет лучше.

– То есть это снова наш косяк? – в принципе, я уже не был удивлен, – раз Вы говорите, что мы подали не те данные.

– Боюсь, что именно так, – он кивнул, – я вообще удивлен, откуда брались данные по этой задаче. Впервые вижу подобное разгильдяйство.

– Давайте сейчас не об этом, – прервал я его спич, – осталось так немного, что опозориться мы просто не можем. Что будет потом, уже не ваша забота. Хиго-сан, Накамура-сан, Ваш приоритет – проверка всего. Всё, что касается монтажа: протокол установки, фундаментные крепления, нормативы. Сверяйтесь с техническими условиями вплоть до последней запятой. Любое несоответствие, минимальное расхождение – сразу ко мне.

– Судзуки-сан! – я повернулся к девушке, – на Вас регламенты, от техники безопасности до экологических норм выхлопа трала. Сверяемся со всем, дабы прикрыть наши тылы, пока Хосино-сан там занят нашими... гостями.

– Сугиями-сан, – сделав глоток уже остывшего кофе, произнёс я. – Пусть срочно освобождают зону справа. Демонтируют ограждение, переносят всё что можно, иначе кран нас даже не зацепит. Всех свободных туда, времени на всё-про всё – час, не больше.

Раздав команды и обрадовавшись хоть нескольким минутам покоя, я откинулся в кресле, но тут же хлопнула входная дверь, и на пороге снова показался Хосино. Лёгок на помине, нечего сказать.

– Канэко-сан! – Он дышал словно только что пробежал марафон. – У нас снова проблемы!

– Снова, опять, какая уже разница, – с флегматичным видом я уставился на него. Внутри меня всё клекотало, но дать волю чувствам я не мог. От моих решений сейчас зависит слишком многое.

– Ну прекратите уже так говорить, – голос начальника был донельзя обиженным. – Я, между прочим, тоже всем рискую, за провалившуюся задачу нас пинком выгонят из компании.

– Ну полно Вам, батенька, – шутливо произнёс я, с удовольствием наблюдая, как наш главлогист тарачил на меня глаза. – Вещайте уже.

– Исикава-сан, – залепетал он, – ему стало известно о Вашем самоуправстве с демон-тажом. Он грозит нам крупными неприятностями. Я, когда отправлял на согласование ваши стойки, и знать не знал о подобной затее. И работа сторонней бригады, в заявке значилось просто аренда рабочей силы, но демонтажные работы, да еще и на чужой территории. Вы вообще понимаете, что теперь будет?

– Прекрасно понимаю, – успокоил я его, хотя сам прекрасно осознавал, чем подобная авантюра могла закончиться для меня не очень хорошо. Остапа понесло, что теперь говорить, но последнее, чем я собирался сейчас заниматься, это останавливаться на полпути.

– Хосино-сан, – мне пришлось повысить голос, – данная конструкция была аварийной и мешала проезду. Она не числилась на балансе порта более пяти лет, вот почему её и не было ни на одной из карт. Этот демонтаж стал всего лишь превентивной мерой безопасности. Займите мэрию и полицию, как я Вам уже говорил! – с нажимом продолжал я, – остальное перекладывайте на меня. И раз со всем разобрались, не отвлекайте!

Когда наконец начальник, бубнящий что-то невнятное себе под нос, нас покинул, я сделал шаг в сторону Судзуки.

– Судзуки-сан, – я пристально посмотрел на неё. – У нас проблемы с портом, Исикава-сан в ярости из-за того воздуховода. Требуется чьей-то головы и компенсации, видимо. Но это он ошибается, конечно. Надо срочно найти на него управу, рычаги воздействия, только чисто. Без денег, без явных угроз, понимаете? У нас же с этим строго. Но и плодить ненужные долги я бы тоже не хотел.

Её взгляд встретился с моим, в нём не было ни тени паники, только холодный расчёт и азарт охотника.

– Поняла Вас, Канэко-сан, – она ответила мне резким кивком, – Вы обратились по адресу. Поищем точки давления, но без перегибов, дайте мне некоторое время.

– Канэко-сан! – на связь снова вышел Йоширо. Я начал себя чувствовать, как минимум, генералом в военной баталии, сидя тут, обложенный телефонами, планшетами и целой кипой бумажной документации, которую притащили в переговорную Хиго и Накамура. – Тут частично всё убрали, но этого мало. – он снова переключил изображение камеры.

Место немного расчистили, но даже мне было ясно, что для работы крана этого мало. Утида-сан как смог передвинул тягач, но всё одно упирался правым бортом уже в вагончики.

– Перетаскивайте эти никчёмные сооружения, – прокричал я, на миг забывшись, что я не на стройке, а в офисе. – Всё, что есть справа, краном пусть убирают хоть куда! И, Сугиями-сан, – я заметил, как недовольно поморщился один из строителей. Судя по интонации цвета каске, явно из руководящего состава. – Если они будут против, уведомьте их, что мы составим акт о неготовности объекта с их стороны, тем самым переложив на них все возможные (а они точно будут) многомиллионные санкции.

– Извините, – раздался сбоку голос Изао, – Канэко-сан, тут что-то не то.

Я обернулся, Хиго сидел, обложившись чертежами и озадаченно переводил глаза с одного на другой. Сначала я подумал, что он просто не привык пользоваться бумажной документацией, как ценный работник он отвечал как раз напротив, за роботизацию и автоматизацию. Но нет, он держал пальцы обеих рук на одной из строчек чертежа.

– Что случилось? – ответил я бодрым голосом, хотя понимал, что вряд ли это ерунда.

– Я проверял систему крепления на соответствие общему регламенту сборки, и мне попались два разных чертежа одной и той же части турбины.

– Это как? – непонимающе спросил я.

– Подожди, – подскочивший Накамура выхватил из его рук лист и пробежал его глазами, – ну вот, всё же ясно. Эта штукавина ставится на основу, которую нам залили, крепится сверху к опорам и снизу к фундаменту. Эх ты, – улыбка снова озарила лицо Рю.

– Я то может и «эх ты», – медленно проговорил Изао, – вот только чертежи читать меня научили. Обрати внимание на номер детали. А теперь на этом чертеже.

– Чёрт, а ты прав, коллега, – улыбка несколько померкла. – Шеф, тут действительно какая-то ошибка.

Теперь пришла моя очередь выхватывать листки у них из рук. Последний раз документацию в таком исполнении я видел много лет назад, и то в прошлой жизни, но даже моих полузабытых азов хватило, чтобы понять.

– Этот день видимо никогда не кончится! – буквально по слогам проговорил я. На одну и ту же деталь было два разных чертежа с разными системами измерения, метрической и дюймовой. – Это вообще как?

– Итак, – обратился я к парням, – сейчас срочно нужно разобраться в этом крепёжном зоопарке. Пока на площадке не начали монтаж, – теперь я уже надеялся, что это мероприятие несколько затянется. – Запрашиваем данные у поставщика, подключаем инженеров из проектного отдела, всех на уши! Времени остаётся всё меньше и меньше, мы не должны ни на минуту сдвинуть весь график строительства. Там такие огромные штрафы прописаны, что нас за это линчуют. Но теперь и начинать сам монтаж без полного понимания по меньшей мере рискованно. Всё, задание получили, вперёд! – уже закричал я, потому что их кивки были каким-то неуверенными. Их обоих как ветром сдуло из кабинета.

Зато Кайка резко подняла голову от планшета, и её взгляд, острый как скальпель, встретился с моим. В глазах не было триумфа, только животная уверенность охотницы, нашедшей след. Она сделала легкий кивок и уткнулась обратно в экран. Когда я подошел к ней, она сидела, слегка прикрыв планшет ладонью, словно оберегая добычу от посторонних глаз.

– Я нашла, – её голос был тихим, рассчитанным только на меня, – год назад его зять, Хасимото Кеничи, выиграл тендер на поставку топлива для портовой техники. Цена была выше среднерыночной на шестнадцать процентов. Был конкурс, с виду документы в порядке, – она метнула по сторонам быстрый взгляд, – но, по данным источника, а это бывший зам по снабжению, уволенный Исикавой за «отсутствие эффективности», конкуренты в последний момент сняли заявки по причине несоответствия условиям техзадания. Там были пара моментов, достаточно «кривых», ясно что таким образом их и отсеяли на финишном этапе. Очень удобно и очень по-семейному. Аудиторская проверка могла бы найти несостыковки, если поднять шум. А Исикава очень гордится своей славой «честного управленца», и подобное ему ни к чему.

Я впился в экран её планшета, там была целая подборка документов. Таблица тендерных предложений с выделенными «странными» пунктами, заставивших сняться всех конкурентов; выдержка из реестра юридических лиц, где фигурировала фирма Хасимото, созданная буквально за несколько дней до тендера; даже скрин служебной записки тому самому заму с требованием скорректировать техзадание под нового поставщика, причём отправленная неза-

долго до создания этой самой фирмы. Доказательства были косвенными, проверить их сейчас времени точно не было, да и сам источник – обиженный сотрудник. Доказательная база была слабенькой, но в случае обнародования урон для репутации мог быть чувствительным.

– А откуда у нас эта информация? – поинтересовался я. – Как бы эти непроверенные данные для нас не обернулись бумерангом.

– Сторонняя организация, – неопределенно ответила она, – собрано было не по нашему запросу, скорее, информация получена по факту и отложена на всякий случай. Глубокой верификации, как Вы понимаете, не было. Одно могу сказать точно, судя по имеющимся документам, есть за что зацепиться. Но...

Я понимал, что требовать большего от неё сейчас невозможно, даже это было получено за считанные минуты. Ставка была крайне рискованна, но и вариантов более не было. Использовать подобное как прямую угрозу было глупо, да и попросту опасно, но как дополнительный довод – более чем. Нужен был взаимовыгодный вариант. И я, кажется, нашел его, вот только им нужно было грамотно воспользоваться. А для того, чтобы дело выгорело, мне требовалось говорить с ним лично.

Тело вздрогнуло от вибрации в кармане. Телефонный звонок, на дисплее надпись «Утида», странно, что понадобилось от меня нашему непрошибаемому водителю.

– Канэко-сан, – резко произнёс Сугиями, а я скривился, за эти дни меня уже тошнило от своего нового имени, – я оставил свой на видеовызове, чтобы у Вас всегда была картинка с места событий.

– Хорошая идея, – похвалил я помощника, – что еще?

– Они расчистили путь, – запыхавшись, проговорил он, – сначала они яростно обложили нас с шофёром, но после того, как слышали у меня по громкой связи про штрафы, сделали как миленькие.

Но, после подобного всегда должно быть како-то «но».

– Они отказываются приступать к разгрузке и монтажу. – грустно ответил Йоширо, – дескать какие-то крепления не соответствуют заданным значениям. Требуют подтверждающих данных, в противном случае, сказали, даже с места не двинуться. Я звонил Хиго-сан, тот мне ответил, что инженеры работают и сбросил вызов. Накамура-сан даже трубку не взял. Что мне делать?

В камере я увидел, как возле тягача стояла кучка работяг, где один краснолицый японец с активной жестикуляцией доказывал что-то своим работникам и нашему Утиде. Ладно, в спокойствие водителя я уже удостоверился, хотя бы за него можно было не переживать.

Но последние слова моего ассистента ударили как обухом. Хаос с крепежом перешел в фазу полного тупика. Не просто неясность – возможная фатальная ошибка снабжения! Турбина, этот многотонный алмаз проекта, могла просто... не встать на место, или не быть закреплена. Что так, что так – катастрофа.

Взгляд метнулся от Судзуки с планшетом к группе спорящих строителей на экране, к неподвижно стоящему тралу с двумя гигантскими кранами по бокам, к телефону с висющим на линии Сугиями, ждущему приказа.

Ждать больше было нельзя, время неумолимо подходило к концу. Как не хотелось оставлять мой командирский «кубрик», но выезжать требовалось немедленно. Остаётся лишь надеяться, что за то время, пока я гоню через полгорода, мои логисты с инженерами решат нашу проблему.

Адреналин ударил в виски, горячий и резкий. Расчеты, риски, варианты – все смешалось в один ясный, безумный импульс.

– Судзуки-сан, держите руку на пульсе, – бросил я ей, уже разворачиваясь. Голос сорвался на командный тон, не терпящий возражений. Я рывком сорвал с вешалки у входа свой пиджак, и выбежал из кабинета.

– Сугиями-сан! – крикнул я в телефон, не сбавляя шага. – Держите их! Не давайте разойтись! Наш проектный отдел уже работает над этим вопросом! А пока старайтесь не переводить возникший конфликт в острую фазу.

Накинув пиджак, я стал заказывать такси, параллельно отписавшись своей команде.

– Я выехал на место, – бросил я девушке, из них троих только Кайка знала о причине моей срочной отлучки, – на связи. Информацию высылайте сразу же на почту. Убыл.

Скатившись по ступенькам, я бегом вылетел из здания и юркнул в уже подъехавшую машину. У меня было порядка получаса, чтобы подготовиться к диалогу с Исикавой. Кайка предоставила мне факты из жизни не совсем честного на руку начальника порта, но данные, мягко сказать, сыроватые. Была не была, во внутреннем кармане у меня лежала моя палочка-выручалочка, главное было перенести еще один временной откат. За навалившейся на меня работой и не только, я так и не разобрался с этим загадочным устройством. Дал себе зарок, что, если я выйду победителем с этой проклятой турбиной, засяду дома и расколю этот орешек. Хотя, если не справлюсь, у меня будет чёртова уйма свободного времени. С таким волчьим билетом в этой стране я работы точно не найду.

Глава 5

Такси, фирменная японская Тойота, рвануло от входа в наш небоскреб, как испугавшийся выстрела зверь, подбросив меня на сиденье. Город мелькал за окном размытыми пятнами рекламы, фонарей, пешеходов – калейдоскоп, на котором я не мог сосредоточиться, да не особо и пытался.

В голове всё ещё крутились мысли об этих злополучных крепежах, о той череде ошибок и несостыковок, преследующих эту операцию. Ладно, пока стоит отбросить мысли об этом, Хиго и Накамура озадачены, значит живьём не слезут с инженеров и поставщиков. Надо переключиться на текущую задачу, Исикава Хаяо. Сказанное Кайкой про него ненадежно, но на безрыбье и рак рыба, более того, я еду не угрожать, а договариваться.

Порт встретил меня резким солёным ветром с залива, пронизывающим до костей, и густым запахом рыбы, ржавчины и мазута. Огромные краны-журавли замерли на фоне свинцового неба, контейнеры стояли штабелями, похожие на пестревшие надписями стены. Такси вырулило прямо к административному зданию – невзрачной бетонной коробке. Я расплатился и рванул ко входу, поправляя галстук. Внутри было довольно шумно, пахло старым кофе и, почему-то, старой бумагой. Девушка на ресепшене, оценив мой костюм и заметив корпоративный бейдж Vallen, сразу указала мне, где искать её босса. Взбежав на второй этаж, я перешел на медленный шаг, и, дойдя до конца коридора, уперся в двери с табличкой «Исикава Хаяо».

Дверь в его приемную была приоткрыта, и оттуда раздавался гневный низкий голос, прерываемый звонком рабочего телефона. Я аккуратно заглянул внутрь. Исикава Хаяо неожиданно оказался крупным мужчиной лет пятидесяти с лишним, с мощной шеей и коротко стриженными седыми волосами. Он стоял за столом, упираясь кулаками в стопки бумаг, его лицо было багровым, а жилы на шее натянуты как канаты. Он громко говорил в гарнитуру, не замечая меня.

– Именно. Я хочу, чтобы эти самоуправцы, эти вандалы из Vallen, поняли! – он смахнул мощной ладонью испарину со лба и продолжил. – Нет, не компенсация! Именно восстановить! Кирпич к кирпичу! И публичные извинения! В газетах! По телевизору! Они наплевали на историю этого порта! Да, именно так и скажу префекту! Пусть знают! – Он смахнул лежащий телефон в ящик стола, очевидно даже не закончив разговор, и его взгляд, горящих от ярости глаз, наконец упал на меня.

– Вы ещё кто такой?! – прорычал он сперва, но потом пригляделся к висящему на шее бейджу. – И какого хрена тебе надо?

– Канэко Джун, корпорация Vallen, ведущий логист и, по совместительству, ответственный за монтаж турбины на ТЭЦ «Осака-Север», – спокойно представился я, делая шаг вперед. Дверь за собой сразу прикрыл, отсекая любопытные уши из приемной. – Я по поводу воздухохода, Исикава-сан.

– А, самый главный вандал! – он фыркнул, словно бык перед атакой. Мне эта сцена почему-то напомнила «Белое солнце пустыни», даже типаж моего оппонента чем-то напомнил Верещагина. – И как вы осмелились? Мою собственность! На моей же территории! Без уведомления, без разрешения – сразу ломать? Да что вы вообще себе позволяете?

– Данная конструкция была давно бездействующей, Исикава-сан, – парировал я его натиск, – если не сказать больше, аварийной. И этот «аппендицит» давно пора было удалить, – мой голос звучал всё жестче, – пока не случилось непоправимого из-за перитонита. А может он поэтому и не числится ни на каких чертежах, что официально (и документально) это «нечто» уже давно захоронено?

Мой оппонент только громко фыркнул, но ничего не произнёс.

– По-моему, Вы должны быть благодарны нам за то, что мы устранили опасность для порта и его сотрудников, – я твердо смотрел на него, но на его лице не дрогнул ни один мускул. – Не говоря уже о том, что сроки постройки ТЭЦ для нашего с Вами города крайне важны.

– Меня интересует только доверенный мне порт! – он снова продолжил свой натиск. – И не учите меня, тем более после того, что Вы сделали. – Он ударил кулаком по столу и стаканы на подносе жалобно звякнули, явно неготовые к такому отношению. – Вы нарушили всё, что только можно. Процедуры, регламенты, законы! Всё! Но ничего, я вас теперь похороню, и вас, и вашу грёбанную турбину! Ни один груз больше не пройдёт через мои доки! – Он брызгал слюной, было ясно, что он в бешенстве, вот только по какой причине? Надо его еще «раскачать».

– Я искренне понимаю Ваше возмущение, Исикава-сан, – кивнул я и сделал шаг вперед, сокращая дистанцию между нами. – Но иногда формальности вступают в противоречие с необходимостью, да порой и со здравым смыслом. Как, например, иногда формально безупречные тендеры, – тут я сделал паузу, дав Исикаве вдуматься в смысл моих слов, – могут вызывать вопросы о реальной конкуренции. К примеру, когда вновь созданная фирма, тем более принадлежащая родственнику ответственного лица, выигрывает миллионный тендер. Как, например, Хасимото Кеничи. Согласитесь, выиграть с превышением цены на рынке на шестнадцать процентов, это очень необычно, по меньшей мере.

Эффект был мгновенным. Ярость на лице Исикавы сменилась бледностью, его широкие плечи слегка просели, а кулаки мгновенно разжались. Глаза, прежде полные огня, готовые испепелить меня одним взглядом, распахнулись. И в них, уже, мелькнул настоящий, животный ужас. Он отшатнулся от стола, словно я его ударил.

– Это... Да что Вы себе позволяете? – он это даже не сказал, а прошипел, а потом его голос внезапно сорвался на хриплый и неуверенный шепот. – Это клевета, грязные сплетни. Откуда? Кто Вам это расска... – Он осёкся, понимая, что его реакция была красноречивее любых слов. И теперь я видел, что Судзуки была права, он боялся. Не сколько правосудия, сколько пятна на репутации.

– У нас надежные источники, Исикава-сан, – солгал я, глядя прямо ему в глаза. Я понимал, что для топорного использования этих данных они были слабоваты, потому не стал перегибать палку. – Но мне не нужен шум, Vallen не нужен шум, а Вам – и подавно. Поэтому давайте считать этот демонтаж неким недоразумением, с которым мы, к счастью, вовремя разобрались.

Он молчал, тяжело дыша, его взгляд метался от меня к телефону, от окна к двери, словно он судорожно искал выход. Я буквально слышал, как шестеренки в его голове перебирают варианты решения, хотя, по сути, это был выбор без выбора. Его обработка данных оставляла желать лучшего, а я был слишком ограничен во времени, так что я продолжил.

– Мы предлагаем закрыть этот инцидент чисто и с пользой для порта, – начал давить на него пряником в противовес предыдущего кнута. – Vallen безвозмездно передает Вам комплект отличных, мощных стоек для универсальных задач. Они уже смонтированы на том самом «пяточке», но никто не мешает их использовать для укрепления любых конструкций. Варианты их использования совершенно многогранны. Это крайне ценный ресурс, который Вы получаете абсолютно даром. – Я сознательно давил на него финансовой выгодой для него лично, хоть и между строк, и вскоре я заметил, как заблестели его глаза. – А мы, в свою очередь, получаем гарантию, что вопрос с «этой конструкцией» (я сегодня слышал слишком много вариантов его названия, частью даже матерных) закрыт навсегда. И, естественно, никаких судов, компенсаций и, главное, без лишнего внимания прессы или проверяющих органов. И, как обратная услуга после нашей работы в онлайн, Вы представляете нашу операцию в мэрии и СМИ как образец длительного и плодотворного сотрудничества, на базе которого, в кратчайшие сроки был уничтожен опасный «объект». Выгодно всем, не находите?

Я замолчал, и в кабинете повисла звенящая тишина. Слышно было только тяжелое дыхание Исикавы и далекий гудок какого-то корабля. Он смотрел на стол, пальцы нервно барабанили по деревянному покрытию. Прошла минута, закончилась вторая, пауза явно затянулась. Тут он резко поднял голову и уставился на меня. В его глазах уже не было страха, только холодный деловой расчет.

– Хм, – он прокашлялся и выпрямился, пытаясь вернуть себе величие. – Ваши опоры действительно будут как нельзя кстати. Я думаю, что ради развития порта и уважения к делам вашей Корпорации мы избежим ненужной бюрократии, замешанной на личных обидах. И давайте договоримся, Канэко-сан, – он приблизился ко мне, – что это будет последней подобной выходной на моей территории. Ясно?

– Абсолютно, – кивнул я, чувствуя, как камень тревоги сваливается с плеч. Но то была еще не радость, так, временное облегчение.

Мы сухо поклонились друг другу, и он сразу схватился за телефон. Он что-то начал снова кричать в трубку, но с иной интонацией, а я уже не стал больше задерживаться и вышел. Девушка в приемной смотрела на меня с любопытством, но я прошел мимо, спускаясь по лестнице быстрым шагом. Спешно посмотрел на часы, больше получаса ушло на закрытие этого вопроса. Зато он закрыт, удовлетворенно подумал я и улыбнулся. Что ж, эта проблема решена, но что ждет меня с другими вопросами по турбине? Нашли ли мои «воины» хоть что-то или всё еще в тупике? Решено, мчу на котлован, я думаю мое присутствие там сможет решить ряд проблем гораздо быстрее.

Я остановил первую попавшуюся машину, и сказал гнать на «Осака-Север». Шофер кивнул, и мы тронулись. Пыльный город снова поплыл за окном, но теперь он казался не калейдоскопом, а туннелем, ведущим обратно в самое пекло. Включил звук на телефоне и посмотрел неотвеченные.

Удивительно, за всё это время мне никто не позвонил, а значит, не было и решения по турбине. Я еще в офисе продублировал таймер с обратным отсчётом, чтобы точно понимать наш лимит. Увы, но если до обеда завтрашнего дня мы не закроем вопрос – то нашу компанию ждут очень даже неплохие штрафы. И меньше всего я хотел бы быть за них ответственным.

Таксисту понадобилось почти час, чтобы привезти меня на эту монументальную стройку. В целом ничего сверхъестественного на ней не было, если не считать, сколько литров крови мне она уже выпила, да и не мне одному.

Колёса такси взвыли, выплюнув комья грязи, когда машина рванула от проходной прямиком к котловану. Я вывалился практически на ходу, едва не споткнувшись о булыжник на дороге, не обращая внимания на возмущение водителя. Меня сразу накрыло волной запахов, столь присущей каждой стройке. В голове возникали воспоминания из прошлой жизни, хотя надо отдать должное титульной нации, порядка здесь было побольше, нежели на моей исторической Родине.

Впереди нелепо раскорячился трал, на платформе которого высилась эта трижды проклятая турбина, издали напоминающая гигантский шлем. Этакая масштабная композиция к «Руслану и Людмиле», сам Александр наш Сергеевич бы одобрил.

Рядом стояло целое кольцо из работяг с касками разных цветов, а в центре была одинокая фигура моего бедолаги-помощника. Несколько последних дней принесли ему столько эмоций, сколько не было за всю его недолгую жизнь. Но пора спасти его от строителей, тем более что жестикуляция с их стороны становилась всё более и более агрессивной. Вплотную к нему стоял крепкий японец, судя по каске, местный прораб или около того.

Мой костюм, уже несколько запыленный прогулкой в порту, всё равно резко контрастировал с местной модой, а потому привлёк внимание ещё издали. Прения прекратились, когда все синхронно повернулись в мою сторону.

– Плохо, что не успел приехать к первой атаке, – пробубнил я себе под нос, но это ничего, контратаковать я тоже умею.

– Господа, в чём причина вашего собрания? – резко и громко произнёс я, встав между моим ассистентом и рабочими, – или у вас никаких дел нет?

Еще в свою прошлую молодость (только сейчас осознал, насколько далеко это было) я понял, что наглая физиономия и дерзкий вызов позволяет решить очень много проблем. Правда, был некий, крайне малый процент, когда этим можно и усугубить, но это явно был не тот случай.

Вид человека в костюме, ведущем себя по-хозяйски, вмиг успокоил всех, за исключением самого мордастого, чья жестикуляция напоминала издавна тренировку каратиста. Тот продолжал, тяжело дыша, буравить своими глазками теперь уже меня.

– Что же Вы на меня смотрите? – ухмыльнулся я ему в лицо, – как солдат на вошь. Что Вас удивило?

Закономерно, что стоящий передо мною «фрукт» не был знаком с похождениями сына турецкого подданного, поэтому он смог выдавить из себя лишь:

– Мы отказываемся начинать монтаж, – и замолчал. Скудненько, но всё больше Элочки-людоедки из того же самого произведения.

– Итак, уважаемый, – я сделал паузу в надежде, что чувство такта, присущему уроженцам этой страны, заставит его представиться, но не тут-то было. – Неважно! Если это всё что вы все можете сказать, то, во-первых, я вправе вызвать полицию, потому как сие действие будет трактоваться как саботаж при выполнении государственного контракта. А во-вторых – будем оформлять документально сам факт задержки, чтобы выставить непосредственно на вас все издержки.

– Постойте, постойте, – мой оппонент, о чудо, начал разговаривать, – мы уже объяснили этому человеку, что без одобрения инженеров работы не начнём. Сложности, говорят, у вас с технической документацией.

– Ну вот, – я кивнул Сигуяме, – начался диалог и уже пришли к некоему конструктиву. Ведите меня к ним.

Толпа, поддерживающая прораба (если это был, конечно, он) вмиг растаяла и весь недолгий путь мы прошли в одиночестве. Ответственного сотрудника на месте не оказалось, поэтому Кобаяси-сан (да, он наконец представился и даже достаточно неуклюже извинился за возникшее «непонимание») убежал на его поиски. Подмывало сказать не торопиться, но я не стал разрушать столь удачно сформированную «легенду» про большого и злого начальника.

Спасибо моим новым друзьям из айти (после пары созвонов по рабочим моментам мы пришли к вполне дружескому общению), которые подключили меня напрямую к переговорной, и я мог видеть и слышать своих коллег с помощью смартфона. А после того, как, покопавшись в настройках, узнал, что теперь и разговаривать могу через конференцсвязь, моему счастью не было предела. Стоило мне выйти на связь, как все трое одновременно вздрогнули и стали озираться по сторонам. Ожидаемо, первым сообразил Хиго, который сразу посмотрел в одну из камер и произнёс:

– Канэко-сан, работа ведется, – сказал он. Увы, ради такого ответа я мог и не звонить.

Панорамная камера вполне позволяла видеть, чем они занимаются. Изао был погребен под бумагами в буквальном смысле слова. Чертежи, планы, спецификации. Он рылся в них, изредка записывая что-то в блокнот и ежеминутно чихая. Что он бормотал под нос не слышал даже чувствительный микрофон, но я догадывался, что эти фразы не предназначались для детских ушей. Накамура молотил по клавиатуре с такой силой, будто забивал пальцами гвозди.

После очередного такого нападения на оргтехнику он откинулся на стуле и резко ударил по столу, заставив упасть со стола мышь и вызвав небольшой сход лавины в бумажных Альпах Изао. Тот от усталости не произнёс ни слова, но молча показал коллеге кулак. Зато Судзуки

оставалась островом ледяного спокойствия, но, судя по отрывкам её диалога, трещины скоро станут видны.

Она не просто вела диалог, это была дуэль по спецсвязи, её голос был, как лезвие катаны, и каждый слог рассекал юридические дебри с убийственной точностью.

– Нет, Моро-сан, – в течении всего разговора она нервно постукивала ногтями по столешнице, – Ваш, как вы изволите говорить, идеальный пакет документации представляет из себя набор фиговых листиков. Да, я в курсе про разницу часовых поясов. Да, я знаю нормы делового этикета. А теперь слушайте меня, – даже по видеосвязи было видно, что превращение Ледяной Королевы в разъяренную фурию случится с минуты на минуту. – Либо я получу от Вас ответ немедленно, либо. – она резко замолчала, медленно и аккуратно положила трубку на стол и быстро вышла. Вдали раздался рёв, от которого даже царь зверей бежал бы не оглядываясь. Спустя минуту она вошла обратно в кабинет, с невозмутимым видом грациозно села на стул и сказала.

– Что-то со звуком, мистер Моро – она перешла на более привычное абоненту обращение, – повторите пожалуйста, еще раз. – и включила громкую связь.

– Да, мисс Судзуки, – вещал её собеседник, – мне пришлось разбудить несколько сотрудников моего отдела и тут выяснилось, что тот стажёр, что собирал документы, как бы лучше выразиться, – он замолчал, очевидно гадая, как теперь ответить, но не выглядеть полным идиотом в глаза его азиатских коллег. – Перестарался, вот. И приложил вообще все варианты требуемого агрегата. Из-за этого и возникла путаница.

Я вывел изображение со своей фронтальной камеры на монитор в нашем «штабе», жестом показывая, что мне требуется сказать самому пару ласковых. Девушка кивнула, и её улыбка стала похожа на оскал хищного зверя. После пары нажатий я тоже мог поучаствовать в их разговоре, до чего же мне нравится пользоваться благами цивилизации и прогресса.

На нынешние деловые отношения голубей бы не напаслись.

– Мистер Моро, меня зовут Канэко Джун, – я решил не менять стиль общения, – и я курирую данный проект с нашей стороны. – Время дорого, поэтому давайте обойдемся без взаимных расшаркиваний и добродушных мин. Сейчас мне нужно получить письменное подтверждение, что именно эта турбина сейчас стоит и ждёт монтажа. Из-за, – я замолчал, подыскивая слово, но на ум приходила, почему-то, только непереводаемая игра слов с использованием местных идиоматических выражений. Судя по моей затянувшейся паузе, неизвестный мне человек глубоко осознал свою неправоту и заговорил первым.

– Да, наша вина, что надо – всё сделаем, – выпалил он.

– В чем отличия агрегатов для разных систем? – короче сформулировать я не смог.

– Серийные номера, они проставляются на каждой турбине. – моментально ответил он, – на данных изделиях они выбиты на, – он замялся, – на верхней части и на средней, там, где идет подключение датчиков.

– Сколько времени Вам нужно чтобы выслать мне официальное письмо с указанием аппарата с номером и верную спецификацию с техпаспортом? – диалог начал напоминать партию в пинг-понг.

– Одиннадцать, сэр Канэко, – на той стороне был слышен шорох одежды. – У меня всё есть дома, в моём кабинете. Это максимум, – уточнил он и отключился.

Не успела моя команда выдохнуть, как сзади послышалось вежливое покашливание. Обернувшись, я увидел низенького лысоватого японца в белой рубашке, в руках которого была папка с подозрительно знакомыми чертежами.

– Канэко-сан, я Огава Кэнтаро – он уважительно поклонился и жестом указал на дверь его кабинета, предлагая там продолжить разговор. Войдя, он сразу же извлёк из стопки листов те самые два, из-за которых и возникло разногласие. Я лишь кивнул ему в ответ и спросил:

– Куда выслать верный вариант? – я слегка поклонился и продолжил, – это наша ошибка, как ни крути.

Мой собеседник улыбнулся.

– Молодой человек, – он отложил папку и указал на стул. Присев рядом, он продолжил, – если бы я так нервничал из-за каждого «недоразумения» на этой работе, мы бы сейчас не разговаривали. Я так понимаю одна модель для разных рынков?

– Как Вы догадались? – не сказать, что я был сильно удивлен, но я был удивлен. – Такая частая оплошность?

– Не частая, но периодически встречается, – было заметно, что он не сказал всё, что хотел, – но я буду вынужден просить сверить данный номер с самой турбиной. Но я уже не в том возрасте, чтобы лазить по таким «скалам».

– Конечно, Огава-сан, – я поднялся и направился к выходу. Дверь оставалась приоткрыта, и за ней стоял Йоширо.

– Канэко-сан, – он поклонился мне, – я случайно услышал конец Вашего разговора, сейчас всё сделаю.

Не успел я открыть рот, как он повернулся и побежал в направлении трапа.

Глава 6

Темп, который взял на себя Йоширо, был достойным хорошего спортсмена-бегуна. Кричать вслед было бесполезно, буквально через полминуты он уже запрыгнул на трал, чему удивился даже наш невозмутимый Утида. Когда я подошел к нашему транспорту, тот уже карабкался аки обезьяна по стропам, удерживающим турбину на платформе.

– Сигуями-сан, – окликнул его я, – бросьте Вы это дело, это Вам не лестница в офисе. Я сейчас поищу вышку, или что-то похожее.

– Нет-нет, всё в порядке! – он схватился за какой-то патрубок и повис на нём, как сосиска. – Я в детстве хорошо лазил по деревьям, это же почти то же самое. – Его голос прозвучал крайне неубедительно.

– Офисная белка! – Крикнул Кобаяси-сан, но в голосе проскакивала тревога. – Смотри не упади, герой! Давай хотя бы пояс страховочный тебе принесу! Хотя... – он замешкался, – толку от него тебе тут будет мало. Слушай, давай крановщика вызову, придумаем, как тебя поднять!

Остальные рабочие уже столпились внизу, кто-то из них скептически цокал языком.

– Так, еще несколько шагов, хотя шагов ли, – камера у него в кармане продолжала фиксировать все его слова, хотя в данном случае это он сам себя мотивировал таким образом, видимо. – Быстро сфотографирую и слезу, делов-то. Зато столько времени сэкономлю всем.

«Экономист, мать его за ногу» – подумал я, но вслух ругаться не стал. Теперь остаётся поверить в него. Даже с земли я отчетливо видел пальцы Йоширо, белые от напряжения, которыми он отчаянно хватался за любую выступающую часть многотонного агрегата. Пару раз он поскользнулся, благо, находил в себе силы удержаться руками. Его костюм, некогда серый, теперь приобретал всё новые и новые оттенки, долгая дорога не добавила этой треклятой турбине чистоты, да и его офисные туфли слабо подходили для покорения вершин, но молодого японца это уже не могло остановить.

Рабочие стояли и молча наблюдали за этой картиной, разумно решив, что теперь отвлекать его не стоит. Сейчас я слышал лишь свист ветра да его учащенное дыхание в микрофон.

Сигуями, уже преодолев последний сложный участок, добрался ровно до середины аппарата. Для этого ему пришлось буквально висеть на руках, переноса ноги через острый выступ теплообменника. Наконец, он остановился, приняв относительно устойчивую позицию: левая нога была на толстой трубе, правая – едва касалась узенького кронштейна, левая рука зацепилась за какой-то узел. Правой рукой он старался нащупать табличку. Внезапно от резко отдернул руку, откинув голову назад с гримасой отвращения.

– Что случилось, Сугиями-сан? – произнёс я в микрофон. – С вами всё хорошо?

– Птицы! – его голос сорвался на фальцет, – Чёртовы птицы.

– Не понимаю Вас, – резко ответил я, – при чём тут птицы?

– Они, это всё они, будь они неладны! – Он закашлялся, – ненавижу этих тварей.

Пока он судорожно что-то искал в карманах, опасно раскорячившись на немалой высоте, рабочие уже поняли причину его странной недоброжелательности.

– Офисный Сёгун, что, птицы тебя поместили? – засмеялся Кобаяси, и его смех подхватили остальные строители. – Чайки они такие, птицы добротные, но и «остаток» от них остаётся славный.

– Да здесь целая куча их «остатка», – закашлялся Йоширо, – причем довольно свежего.

– Сугиями-сан, – сказал я в трубку, – не хочется Вас отвлекать от столь интересного занятия, но возможно ли сфотографировать серийник на устройстве?

– Канэко-сан, – он задыхался от злости, – там не то, что нечитаемо, но еще и не оттираемо, ни с турбины, ни с меня.

– Говорю, бросайте это дело, – как можно спокойнее проговорил я, – Вы сами слезть то сможете?

С минуту в динамике слышалось усиленное дыхание парня, хриплое, с явными позывами к тошноте. Хрипы постепенно сошли на нет, зато отчетливо стало слышно обиженное сопение ассистента. Очевидно, он уже жалел об этой попытке героического подвига, но возвращаться на землю побежденным ой как не хотелось. Он начал потихоньку подниматься еще выше. В динамике был отчетливо слышен его шепот.

– Когда, когда же? – он медленно полз вперед, продолжая повторять этот вопрос снова и снова. Я, между тем, уже скомандовал Кобаяси срочно найти лестницу, кран, да хоть что-то, чтобы вернуть этого молодого безумца на нашу грешную землю. Он уже перевалил за «горный хребет» этой громадины, когда выступающие части закончились. Следующий метр был пуст и гладок. Увы, именно там скрывалась вторая табличка с так нужными нам цифрами. Крайне нужными, но не ценой жизни и здоровья маленького (особенно с земли), но гордого японца. Неожиданно в телефоне я услышал его смех. Сердце похолодело, ведь причин для веселья было крайне мало.

– Сугиями-сан, – осторожно поинтересовался я, – как у Вас там дела, что видите?

– Канэко-сан, я понял! – чуть не кричал он. – Я знаю, что нужно сделать!

– Хорошо, хорошо, – в этот момент я мог согласиться на что угодно, лишь бы не усугубить невнятное состояние моего помощника. – И что же?

– Селфи! – прокричал он и захохотал. Я раньше никогда не слышал чтобы вот так, в неожиданном месте, человек внезапно сошёл с ума, но стресс он на каждого действует индивидуально.

– Что, простите? – в этот момент я очень надеялся на внятный ответ на свой вопрос.

– Селфи-палка, – добавил он для уточнения. – Я всегда с собой её ношу, нужна штука, кстати.

Тут уж я догадался, зачем ему понадобилась эта странная штуковина. Он начал плавно выдвигать телескопическую основу, прежде воткнув туда свой телефон.

– Как Вам видно, Канэко-сан? – голос был твердым и решительным. – Сейчас попробую с вытянутой рукой.

Камера неторопливо двигалась по поверхности турбины, пока не дошла до набора букв и цифр. Я заозирался в поисках лысоватого инженера, но, как оказалось, он с самого начала стоял позади меня и молча наблюдал. Раскрыв папку и достав из неё свежераспечатанное письмо от поставщика, он тихо шевелил губами, не переставая сверяться с листком. В какой-то момент он убрал бумагу в папку и поклонился мне.

– Что ж, – по глазам было видно, что он удовлетворен, – всё в порядке, осталось дело за малым.

– Не могу с Вами не согласиться, – кивнул я в ответ, – вот только надо сначала этого самого малого снять оттуда.

– Ой, с этим не беспокойтесь, – он молча показал рукой в сторону. На площадку въезжала автовышка с уже сидящим в ней Кобаяси. Очевидно, что прораб с инженером довольно неплохо знали друг друга, иначе он должен был пожурить работягу за столь откровенное нарушение техники безопасности. С другой стороны, нас с Йоширо вообще следовало по меньшей мере выпороть за подобные «художества». Платформа медленно поднималась вверх, когда я снова услышал шепот парня.

– Да когда же уже? – он шептал себе под нос, но микрофон довольно точно передавал слова. – Блин, что я делаю не так?

Кобаяси поднял платформу до максимума, но высоты всё равно не хватило. Он нацепил на себя монтажный пояс, прицепился к люльке и перелез ближе к турбине. Пару минут он искал наилучший способ эвакуации и, видимо не придумав ничего лучше, схватил парня в

свои медвежьи объятия и спиной перевалился обратно в люльку. Работяги снизу одобрительно засвистели, а инженер тихонько засмеялся.

– Наш Кобаяси-сан в одного такие тяжести таскает, – уважительно поведал он, – куда там парнишке деваться. Из этих рук еще никогда ничего не выпадало.

Вышка плавно опустилась и нам открылось поистине занятное зрелище. Лицо Йоширо, грязное от пота и пыли, светилось от восторга, а сзади его уважительно похлопывал по плечу коренастый прораб. Толпа работяг на земле ликовала.

Лицо Йоширо, грязное от пота и грязи, светилось от восторга. Строители, увидев нашего героя, оглушительно засвистели в знак одобрения. Теперь в дело включилась вся стройка, нам же оставалась только роль стороннего наблюдателя. Рядом никого не осталось, и теперь я мог наконец задать Сигуями этот грызущий меня вопрос.

– Сигуями-сан, – начал я, – пока Вы лезли с телефоном в кармане, я слышал несколько странные разговоры.

– Это про мои странные вопросы в никуда? – парень заметно ступевался, – я могу это объяснить, если хотите, а то будете считать меня ненормальным

– Думаю, было бы нелишним, – кивнул я, – честно признаться, слышать сначала это, потом смех и слова, что всё спасёт селфи. Тут любой бы заподозрил что-то с Вами неладное.

– Тут то как раз всё просто, Канэко-сан, – Йоширо несколько поник, но продолжил. – Я боюсь высоты! Очень, безумно, больше всего на свете!

От его неожиданного ответа у меня самого несколько сбилось восприятие, поэтому мой ответ мог показаться ему несколько резким.

– Так какого же рожна Вы попёрлись на эту громадину?!

– Мне попалась как-то одна история, где мудрец, чтобы преодолеть свой страх, – как сказку для внука рассказывал он, – встречался с ним снова и снова, и в определенный момент времени его победил.

– Такой истории не знаю, – ответил я, – хотя в этом исполнении это похоже на выражение «клин клином вышибать».

– Какая занятная фраза, – удивился Йоширо, – откуда Вы такое знаете?

– Древняя ведическая мудрость, – с улыбкой произнёс я, – знаете, подобным занимаются гештальт-психологи, вот только лучше и правильнее заниматься этим постепенно.

– Зато я, кажется, излечился, – его лицо озарила довольная улыбка. – Какие будут указания, босс?

Я жестом указал на какой-то деревянный короб неподалеку и сам направился к нему. Присев, я стал наблюдать за последним этапом, ради которого всё и было задумано – монтаж и установка этой громадины на своё место. Есть всё-таки нечто медитативное в том, чтобы лицезреть как работают другие люди. Если верить, что человек может бесконечно долго смотреть на три вещи: как горит огонь, как течёт вода и как работают другие, то за работой пожарных можно наблюдать бесконечно.

Последний гидравлический домкрат с глухим шипением отпустил свою могучую хватку. Турбина, этот гигантский железный зверь, наконец-то полностью стояла на своем фундаменте. Ее стальная обшивка, покрытая дорожной пылью и несущая на себе отпечатки рук и ног моего храброго помощника, тускло блестела под яростным светом прожекторов, которые теперь кажутся не столько ослепляющими, сколько торжественными.

Гул двигателей кранов стих, сменяясь нарастающим гомоном голосов. Раздался первый, робкий хлопок. Потом еще один, еще... И вот уже стихийные, усталые, но искренние аплодисменты разносятся по площадке. Не все, но многие рабочие, вытирая потные лица заляпанными руками, бьют в ладоши. Кто-то громко выдыхает: "Наконец-то!".

Несмотря на усталость, почти осязаемо витающую в воздухе, строители перекидывались короткими шутками возбужденными, хриплыми голосами. Собирали инструмент не в спешке,

но с почти ритуальной неторопливостью победителей, укладывающих трофеи. Один пожилой монтажник, прислонившись к гусенице крана, просто смотрел на турбину и курил, тихо улыбаясь. Кобаяси стоял немного в стороне, руки в боки. Обычно хмурое лицо было расслаблено, а глаза скользили по всему пространству стройки, по итогу остановившись на нас с парнем. Его взгляд был красноречивее любых слов.

Сигуями же был похож на маленького, утомленного котёнка. В своём потертом, грязном костюме, он сидел рядом и расслабленно улыбался. Но долго усидеть на одном месте у него не выходило, он то и дело срывался с места, чтобы запечатлеть на телефон то турбину в разных ракурсах, то кого-нибудь из строителей. Те в свою очередь одаривали его одобрительными взглядами и порой нарочно позировали ему. Возвращаясь, он смотрел на меня с немым вопросом, в котором читалось: «Ну что, мы сделали это!». Моих собственных сил хватало лишь на кивок ему в ответ.

Сам я сидел, слегка откинув голову, глядя на вершину этой железной бандуры, на которой не так давно висел мой ассистент. Я сидел и почти физически ощущал, как колоссальное напряжение, в котором я находился последние дни, понемногу начинало меня отпускать. Только сейчас я ощутил тяжесть в ногах и заметил лёгкую дрожь в ладонях, правда не от страха, а от усталости и передозировки адреналина. Между тем глубоко внутри я чувствовал невероятное облегчение от выполненной сложной задачи. Глубоко вздохнув, я понял, что воздух победы несколько отдаёт горячим металлом и соляровкой. Ко мне тем временем тяжелой походкой приближался Кобаяси-сан.

– Ну вот и встал Ваш стальной зверь в стойло, Канэко-сан, – сказал он уставшим голосом. – Надеюсь это стоило всех наших седых волос. – Он провёл рукой по коротко стриженной голове, и на его лице мелькает что-то, похожее на улыбку.

– Стоило, Кобаяси-сан, – повернулся я к нему, ловя его взгляд. – Безусловно стоило. Но без нашей помощи он бы сам здесь не оказался. Спасибо за оперативную работу, на Ваш монтаж было любо-дорого смотреть.

На лице прораба на мгновение появилось подобие смущения, но в ответ он лишь довольно ухмыльнулся.

В наш разговор ворвался Сигуями, неожиданно подбежавший со стороны штаба строительства.

– Канэко-сан! – он тяжело дышал, но очень хотел поскорее поделиться своей новостью. Я жестом показал ему, что первое важнее, и пару минут парень приходил в чувства. – Всё подписано! Огава-сан уже выслал документы по электронке в офис, вот бумажный вариант с печатью! Мы сделали это! И уложились точно в срок!

– А Ваш офисный ниндзя оказался не так уж и бесполезен, – грубовато, но беззлобно сказал Кобаяси-сан, и, обернувшись к моему ассистенту, добавил:

– Смотри, парень, если тебе надоедят твои пыльные офисные коридоры, – он усмехнулся, – у нас всегда найдется место для такого верхолаза. Ну а теперь пора прощаться, нам с ребятами тоже пора сворачиваться. Работать с Вами было... – он замаялся, очевидно не так часто приходилось произносить подобное, – было чертовски занятно.

Покидать это последнее поле боя нам удалось с большим комфортом, за нами прислали один из служебных автомобилей. Пока машина медленно выезжала с территории, я смотрел в окно, как уменьшающиеся с каждым мгновением маленькие фигурки строителей копошились в островках светящихся прожекторов на фоне стоящей громады турбины. Постепенно гул и лязг строительства сменился на ровный звук работающего мотора и шелест шин.

Сигуями сразу при погрузке упал на заднее сиденье как подкошенный. Не прошло и пары минут, как его довольное сопение сменилось на ровное, глубокое дыхание. Я обернулся и увидел, что он задремал. Рот был приоткрыт, а голова беспомощно покачивалась в такт поворотам. Его руки, все еще с черными полумесяцами грязи под ногтями, безвольно лежали на коленях.

Порой он вздрагивал во сне, возможно, вновь переживая падение или момент триумфа. Его грязная рубашка была смята, один рукав закатан, открывая царапину на локте, на которую он даже не обратил внимания.

Я же устался в окно, понимая, что не смогу также же безмятежно уснуть. Я сжимал пальцы рук до побелевших костяшек, прокручивая в голове события последних дней. В одной руке был планшет, в котором по десятому разу я рассматривал все документы по этому делу. Вопросов становилось всё больше и больше, начинало казаться, что основной нашей целью этой «операции», по задумке Vallen, становилось, наоборот, не успеть вовремя. Но такое ведь попросту невозможно. Подобный «проступок» грозил как штрафными санкциями, так потерей репутации, что нанесло бы не меньший экономический урон. Надо скорее оказаться в офисе, со своим уровнем доступа я могу попробовать копнуть глубже. В голове всплыло, что Хошино говорил по поводу неких претензий со стороны города к нам, боюсь, сначала придётся разобраться с этим.

Вибрация телефона в кармане резанула тишину салона. Звук мелодии, стандартной и безликой, заставил меня вздрогнуть, а Сигуями – беспокойно заворочаться во сне, не просыпаясь. Я быстро нажал на кнопку приема вызова.

Глава 7

– Я слушаю, – не было сил, не желания смотреть, кто звонит мне на этот раз.

– Канэко-сан, – раздался из динамика ровный голос моей «наставницы» Ямагути. Странно, я не помню раньше такого металлического оттенка в её голосе. – Какой статус у Вашей операции?

– Турбина установлена, монтаж закончен, всё отлично и без происшествий, – почти не соврал, по сравнению с предыдущими неприятностями возвращение «блудного» Йоширо руками «вознёсшегося» прораба было меньшим из них. – Выехали в офис, думаю, минут через тридцать-сорок точно будем на месте. Акты в системе и у нас на руках. – Я отвечал словно рапортовал, без намёка на эмоции.

– Я услышала. Вы молодец, Канэко-сан, – последние слова она произнесла гораздо мягче, и после небольшой паузы еле слышно добавила, – Вас тут ждут, и, судя по всему, не за тем, чтобы наградить.

– Ожидаемо, – я усмехнулся, – мэрия, полиция, порт, бухгалтерия, может еще кого забыл.

– Зайдите сразу ко мне, ни в коем случае не идите сразу к Хосино – перебила меня Ая, – и постарайтесь не встретить никого. – Она на секунду задумалась и выдала, – точно, поднимайтесь по лестнице, не пользуйтесь лифтом. – Звучало одновременно и как забота, и как приказ. Как я могу к такому не прислушаться?

– Понял, скоро будем, – повторил я, – спасибо, Ямагути-сан.

– Не опоздайте, – произнесла она, завершая разговор. Её тон стал ещё мягче или мне показалось? Но уже раздался щелчок отбоя вызова.

Я пытался устроиться поудобнее, чтобы с максимальным комфортом провести ближайшие полчаса, раз по возвращению меня ждёт новая драка. Жаль, что в офисных серпентариях нельзя решать всё с позиции силы. Планктон так не любит и не умеет, от них скорее дождешься кнопки на стул да плевка в кружку с кофе. Но даже лёгкая дремота не приходила ко мне. Я обернулся и в очередной раз позавидовал своему ассистенту, что только не похрапывающему на сиденье рядом со мной. Хотя, что удивляться, приключения последних дней были, и я вряд ли ошибаюсь, самыми насыщенными в его жизни. Его спокойное, почти детское лицо, резко контрастировало с моим отражением в стекле. Резкая линия скул, тени под глазами, плотно сжатые губы, и всё это было подсвечено светом экрана от планшета. Ни дать – ни взять, отпрыск графа Дракулы мчит по своим делам.

Мысли в голове не давали покоя, скакали от попытки анализа своих собственных действий к оценке возможных рисков. Но я снова и снова возвращался к её словам, что я «молодец». Эта капля тепла в моём море усталости добавила мне сил, и я, глубоко вздохнув, просто уставился на дорогу.

Вдалеке показался знакомый штырь небоскрёба Vallen, сначала один из многих, но, по мере передвижения он приближается и начинает доминировать, заслоняя собой солнечный свет. Верхние этажи штаб-квартиры теряются в облаках или туманной дымке, будто специально скрывая тамошних небожителей.

Разбудив Йоширо, я вкратце ознакомил его с планом наших ближайших действий, и мы сразу после прохождения терминала свернули к лестницам пожарного хода. Пара лестничных пролётов были словно передышкой между разными этажами ада – внизу остался физический кошмар, а наверху меня ждёт бумажный. Это было возвращение не к дому, но к полю новой битвы, где оружием будут документы, слова и связи. Огни города в окнах не радуют, и лишь подчеркивают отчужденность и масштаб системы, в которой нам вновь предстоит сражаться.

Стоило нам свернуть в сторону стола моей бывшей наставницы, как оказалось, что она сама стоит и ждёт нас. Она кивнула, пропуская меня с Йоширо внутрь, и только после этого

села за стол. Её безупречный внешний вид резко контрастировал с нашим. Я, хотя и не преодолел «горные кряжи» турбины, был покрыт пылью дорог и изрядно помят. О моём помощнике нечего было и говорить, только за одно появление в таком виде его стоило гнать использованными по назначению тряпками из нашего офиса. Словом, контраст между стерильной и прохладной тишиной нашего офиса и уставшими, пропахшими потом и стройкой героями асфальта был просто оглушающим.

– Канэко-сан, – она шустро извлекла из стопки документов на столе верхний лист и зачитала.

– Нарушение первое, зафиксированное искусственным интеллектом Vallen, – она посмотрела на меня и продолжила, – и подтвержденное представителями дорожной службы, нарушение весовых норм при проезде по мосту, за номером, а, не важно. Вы и так поняли о чём я?!

Сигуями начал инстинктивно пытаться пригладить взъерошенные волосы и поправить мятую рубашку, но быстро остановился, понимая тщетность своих действий. Я же сделал шаг вперед и негромко произнёс.

– Данная претензия основана на неполных данных, Ямагути-сан, – я достал из папки Сигуями несколько документов. – Здесь найдутся ответы на этот вопрос. Начнём? – Я расправил плечи и, словно рассказывая учительнице выученное домашнее задание, продекламировал.

– Рекомендованный маршрут, переданный нам вкупе с прочими данными по данной доставке – это раз. Согласование проезда по указанным точкам, одна из них и есть этот странный мост – это два. Кстати, тут можно найти визу транспортного отдела мэрии, если присмотреться, – я подмигнул ей, но, заметив отсутствие у неё улыбки, подобрался и продолжил. – В официальном ответе есть рекомендованное время нашего «окна», в которое, если мне не изменяет память, мы попали идеально. Мой коллега Хиго действительно запрашивал иной вариант, но предложенный в тот момент маршрут не сулил нам ничего хорошего.

– Да, этот запрос я также видела, – серьезно произнесла она. – Надеюсь Вы понимаете, как это всё выглядит?

– Конечно, Ямагути-сан, – я кивнул, – в контракте есть отдельный пункт, и весьма немаленький, хочу заметить, в котором подробно расписаны те суммы, на какие попадает компания в случае срыва этого важного для города контракта.

– Вы неплохо подготовились, Канэко-сан, – она слегка улыбнулась и продолжила. – Допустим, первый мяч Вы отобьёте. Но у Ваших ворот назначена целая серия пенальти.

Она многозначительно покосилась на свой безупречно чистый стол, где единственным очагом хаоса и высилась небольшая стопка листов – тех самых претензий к вашему покорному слуге. Сейчас, сидя на кресле под мягким светом настольной лампы, в своём темном и безупречном костюме, она словно символизировала Фемиду, перекладывая листы бумаги из центра в разные стороны стола.

И стоило мне это заметить, как я понял, что значит этот строгий, официальный допрос вместе с настоятельной просьбой Ямагути встретиться с ней прежде, чем с Хосино. Она решила помочь мне отрепетировать мои действия, когда я окажусь на ковре для головомойки.

«Спасибо тебе!» – сказал я, естественно, одними глазами и строго про себя. Ну что ж, приступим к тренировке перед основной игрой.

– Я бы ещё добавила сюда наличие видеозаписи о поврежденном информационном щите, где местами присутствовали нечитаемые надписи, – она положила ещё один из листков в сторону. – Насколько мне известно, ваш ассистент старательно фиксировал всё происходящее.

Иоширо встал чуть ли не по стойке смирно перед девушкой, и старательно закивал так, что его шевелюра окончательно приобрела вид брошенного вороньего гнезда. Он судорожно зашарил по карманам в поисках своего телефона, потом дрожащей рукой стал искать в его памяти озвученную запись, но Ая его остановила.

– Не переживайте, Сигуями-сан, – она махнула рукой, – Ваш «стрим» параллельно выводился на мониторы в переговорной, а всё что приходит к нам, остаётся на серверах компании.

Парень покраснел, понимая, что он всегда был на связи с офисом.

– Сугиями-сан, – Ая успокоила парня, – доступ к этим данным есть совсем у узкого круга людей. Так что не стоит переживать, во всяком случае так сильно.

Он стушевался и отступил еще на шаг назад, стараясь спрятаться за моей спиной.

– В общем, с этим мы закончили, – подытожила она, – теперь следующий вопрос на повестке дня – жалоба господина Исикавы в мэрию на Ваше самоуправство, а также нанесение ущерба имуществу порта путём незаконного сноса важной для инфраструктуры конструкции. – В голосе звучала лёгкая ирония.

– Неожиданно, – произнёс я, – а можно поинтересоваться, а каким числом датирована эта «кляуза»?

– Вот, можете сами посмотреть, – сказала она, протягивая листок мне. Достаточно было только одного взгляда, как я отложил его сразу в стопку «погашенных» вызовов.

– Данная информация и вовсе неактуальна, – настал мой черед «ходить» и я полез в портфель за документами. – Как видите, Исикава-сан признаёт ранее переданную претензию ошибочной. Новый помощник позволил себе непростительную ошибку и уже примерно наказан. Исикава-сан любезно благодарит лично меня и корпорацию Vallen за «помощь в устранении опасной аварийной конструкции в рамках долгосрочных партнерских отношений», тут даже отдельный твит есть с фотографией Вашего покорного слуги и начальника порта. Я настоял перед уходом, – улыбнулся я. – Единственное «но» во всей этой историей, это запросы на предоставление некоторых деталей и работ, – начал туманно рассказывать я, но Ая меня прервала.

– Это будет отдельная тема для разговора, – перебила она и достала следующий документ.

– Вопрос третий, и касается он наших подрядчиков, силами которых и должен был быть произведен монтаж этого «краеугольного камня». Здесь указан срыв графика монтажа из-за задержек с нашей стороны с предоставлением финальной спецификации и прочей техдокументации. – Она пристально посмотрела на меня, – было у вас такое?

– Каюсь, грешен, – склонил я голову, но через секунду выпрямился и отрапортовал. – Ямагути-сан, не знаю, кто мог такое прислать, но монтаж был произведен точно в срок, задержек не было ни на минуту. Акты, да Вы и сами в курсе, – склонил я голову и, хитро улыбнувшись, посмотрел на неё.

– Есть такое, – строгость стала постепенно сходить с неё, – но проблема с документами имела место?

– Абсолютно верно, – я кивнул, – вот только в этом нет ни моей вины, ни моих коллег, – я махнул головой в сторону нашей переговорной, вот уже несколько дней как переоборудованной в «штаб». – Кто из наших «смежников» логистов умудрился так проверить, но, если бы не ребята мы бы в принципе не разобрались с этой головоломкой. Единственное кто мог на нас пожаловаться, это представитель поставщика, которому ночью (по его часовому поясу) пришлось срочно исправлять свои «косяки». Но вряд ли он настолько неадекватен, чтобы в этом признаться.

– Отлично, и с этой стороны карты биты, – Ая вовсю улыбалась, – я кстати так и не смогла выяснить, кто именно выслал подобную «гадость», в самой организации и не думали жаловаться на вас, скорее наоборот, есть отметка их главного инженера о «на редкость отличной организации всего процесса доставки», своевременности предоставления всех запрошенных данных», и еще есть приписка, сейчас найду. Вот, о «высоком уровне работы Сугиями Иоширо», чтобы это ни значило.

Помощник, только начавший вылезать у меня из-за спины, снова спрятался за мной и тихонько хрюкнул, стараясь подавить смех.

– Ямагути-сан, – я решил задать вопрос и ей, – Мы командой сделали, пожалуй, невозможное. Но вместо того, чтобы выяснить и примерно наказать сотрудника или же даже группу этих нерадивых лиц, подготовивших документы для перевозки особо ценного груза, я должен отбиваться от подобных кляуз, которыми некто хочет запятнать моё, вернее наши, честные имена.

– Скажу Вам по секрету, – она понизила голос, – я впервые вижу настолько широко-масштабную атаку на какого-то сотрудника. Да, бывают форс-мажорные ситуации, бывают ошибки, но, чтобы столько жалоб, и от разных лиц, одновременно. Я бы сказала, что данная ситуация в принципе исключительная.

Она практически повторила мои недавние мысли, словно кто-то очень сильно хотел, чтобы мы сели в лужу. Но если этим и буду заниматься, что весьма вероятно, то в любом случае сначала допросят меня по каждому из зачитанных пунктов.

– Я могу идти? – шутливо спросил я, но наткнулся на серьёзный взгляд девушки.

В кабинете повисла глубокая, звенящая тишина. Только тихое гудение компьютера Ямагути и прерывистое сопение Сигуями за моей спиной нарушали её. Ая медленно отодвинула три разобранные стопки претензий в сторону, освобождая центр стола. Её движение было похоже на уборку шахматных фигур после выигранной партии. Но игра ещё не была окончена.

Наставница взяла в руки самую толстую стопку листов, скрепленных между собой. Из-за её толщины она была перетянута резинкой, отчего её толщина казалось ещё более пугающей.

Девушка положила её перед собой с таким ощутимым стуком, словно это был булыжник. Она отвела глаза от неё и посмотрела снизу вверх на меня. В её взгляде больше не было искр дружелюбия, он стал тяжелым, даже лишенным прежней деловой отстраненности. В нём читалось только одно: «А вот это действительно серьезно».

– А вот здесь самое важное во всей этой истории – вопросы нашей бухгалтерии к Вам, Канэко-сан. – Даже голос зазвучал по-другому. – Финансовый отдел, как видите, серьезно подготовился в диалоге с Вами. – Он касалась документов лишь кончиками пальцев, словно хотела отстраниться от неё, но не могла. – Итак, что они пишут? Значительный перерасход отдела логистики по операции «Турбина, Осака-Север». Оплата сторонней ремонтной бригаде в тройном размере за сутки работы, плюс дополнительная премия за срочность. Компенсация порту за несогласованные демонтажные работы, так, это хотя бы можно в мусор. – Она в буквальном смысле слова отсоединила несколько листов и кинула их в урну. – Необоснованные траты на аварийное оборудование, без возможности его дальнейшего использования. Здесь идёт речь о внушительной сумме, – она сделала небольшую паузу и взглянула на меня, – Канэко-сан, Хосино Мичи уже нашептал всем и каждому о Вашем непрофессионализме и разбазаривании средств, и это только то, что я сама слышала. Не удивлюсь, что теперь он припишет Вам еще и незаконное обогащение путём вывода части выплаченных сумм на личные счета. Пока он требует лишь призвать Вас лично к ответственности, и, поверьте, у него есть достаточно влиятельные друзья на верхних этажах, что помогут ему протолкнуть эти обвинения в нужное ему русло.

Она устало откинулась на спинку кресла, сложив руки перед собой. Она словно боялась сейчас посмотреть мне в глаза, лишь смотрела в пустоту перед собой. Она переживает за меня? Вся злость, которая медленно, но неумолимо закипала во мне весь этот диалог, ушла, будто её и не было. Единственное, о чём я мог думать, так это то, как ко мне относится Ая. Почему-то мне это стало безразличным.

Раз вопрос сейчас стоит настолько углом, то я просто не могу позволить себе проиграть. В этой схватке сухим цифрам и «нарисованным» документам придётся противостоять с живым человеком, чьё сознание несколько отравлено пониманием, как устроен современный бюрократический мир. Но «мой друг» Хосино ведь не знает, что за маской юного мальчика Джуна

скрывается тот еще гроссмейстер подковерных игр. Я не мог это сказать Ямагути, как не могу сейчас успокоить Йоширо, чьё обиженное сопение я слышал сейчас за своей спиной.

– Вам придется отчитаться за каждую потраченную йену, – тихо произнесла она, – за каждое своё решение. Боюсь только слушать там будут скорее Мичи, чем Вас.

– Это мы еще посмотрим, – мягко сказал я, забирая с собой бухгалтерские документы, – когда там назначена моя казнь?

– У Вас еще остались силы шутить? – она подняла на меня подозрительно блестящие глаза, – я не знаю, но вряд ли сегодня. Хосино в этот раз хочет хорошо подготовиться. Вы же помните, он и так получил нагоняй, что не смог заставить Вас уйти. Он не может снова подвести своего покровителя. Думаю, завтра Вас вызовут на служебное совещание, под предлогом, допустим, анализа проведенной работы по объекту. А фактически устроят дисциплинарную комиссию, по итогам которой Вас уволят.

– Тогда что вешать нос, – спокойно сказал я. – До завтра еще столько времени. Я слышал одну древнюю ведическую мудрость, что утро вечера мудренее.

Глава 8

Дождь на улице, очевидно, только что закончился, оставив после себя влажный, тяжелый воздух Осаки, и блестящие тротуары, отражавшие неоновые вывески. Я шагал быстрее обычного, и сумка с продуктами неприятно била по ноге. В голове крутились цифры отчетов, ядовитые усмешки Хосино, абсурдные обвинения бухгалтерии. Грядущая дисциплинарка висела надо мной как дамоклов меч.

– Два дня покоя. Всего или еще, но целых два дня, – эта мысль звучала в голове как мантра, но, увы, не приносила особого облегчения.

Внезапно для самого себя я резко свернул в узкий переулок, к двери с крошечной вывеской "Сладкая Лапка". Витрины ломились от разнообразнейших яств для животных.

– Нет, – твердо сказал я себе, отгоняя образы таблиц и служебок. – Сегодня думаем не о них. Сегодня – всё для неё.

Внутри небольшого магазинчика рябило в глазах от множества разноцветных упаковок. У прилавка висела новинка – суперпремиальные хрустики с мясом дикого лосося. Такое мы еще не пробовали.

– Один пакет, пожалуйста, – обратился я к продавцу, – а лучше три. И вот эту странную утку заверните.

Резиновая птица была до неприличия яркой, с огромными вытаращенными глазами. Я представил, как Момо будет трепать ее, заставляя пищать, и уголки моих губ дрогнули в легкой улыбке. Да, это того стоит, она заслужила. Пережить два дня без меня, пусть и у заботливой, но всё же чужой тети. В груди кольнуло от чувства вины и такой острой нежности, что я едва не выронил пакет.

Дорога к нашему дому показалась бесконечной. Сумка с хрустиками и уткой была невесомой, а вот другая, с моим ужином, тянула как гири. Последние метры я уже практически бежал, перепрыгивая через ступеньку, но перед самой дверью остановился как вкопанный. Сделал несколько глубоких вдохов, пытаюсь стряхнуть с себя весь офисный гнет и ту тревогу, что так до конца и не отпускала меня.

– Выдыхай, бобёр, – попробовал я аутотренинг, – она же чувствует твоё настроение.

И только собрался постучать, как за дверью раздался лай, низкий, отрывистый, словно это был крик души. Узнаваемый, родной бас Момо, но с непривычной, разрывающей сердце интонацией.

– Папа?! Папа, это ты?! – таких оттенков в её голосе я раньше не слышал. – Я тут, я скучала, открывай скорее!

Лай сменился коротким, прерывистым скулежом, а потом царапаньем когтями по полу, словно она пыталась сделать подкоп.

Я замер, весь мир сузился до этой двери и жалобного собачьего голоса за ней. Сердце бешено застучало, а к горлу подкатил комок. Я постучал, негромко, но весьма отчетливо. Дверь распахнулась, и в первую очередь я увидел именно её

Маленькая, коренастая фигурка в пижамке. И не просто в пижамке – это был шедевр бабушкиной заботы: мягкая фланелевая ткань в мелкую голубую клетку, а на грудке вышитая белая косточка. На голове шапочка, тоже клетчатая, с торчащими из отверстий ушами. Но я смотрел только на её глаза, огромные, тёмные, влажные от непролитых слез собачьей радости. В них читалось столько эмоций: и немыслимая тоска, и безумная надежда, и щемящее облегчение, и готовность взорваться от счастья.

– Момо, – только и успел прошептать я, и тут случилось чудо. Персик, обычно степенная и немного флегматичная, мгновенно преобразилась. Она подпрыгнула, как мячик, всем своим пузатеньким тельцем рванувшись ко мне. Короткие сильные лапы отчаянно заработали в воз-

духе, пытаюсь дотянуться, уцепиться, прильнуть. Она не смогла запрыгнуть сама, не хватало роста, но ее желание было огромным, физически ощутимым.

Я бросил сумки, глядя только на этот комочек тоски и любви в смешной шапочке. Я наклонился и подхватил ее на руки, прижал к груди так крепко, как самое дорогое сокровище, которое чуть не потерял.

– Девочка моя! Солнышко! Прости, что так долго! Прости! – мой голос дрожал, а слова путались. Я зарылся лицом в ее теплую, чуть влажную шерстку на шее, вдохнув знакомый, успокаивающий запах – собачий, такой родной. Момо отвечала не менее бурно. Её шершавый нос тыкался мне в щеку, в шею, в подбородок, везде, куда только мог дотянуться. Она издавала смешные фыркающие звуки, мелко дрожала всем телом – не от страха, а от переизбытка чувств, которые просто не помещались в ее маленьком бульдожьем теле. А ещё она скулила, тихо, прерывисто, как будто плакала от счастья, уткнувшись мордочкой мне в грудь.

Я закрыл глаза, мир офиса, Хосино, интриги, часы – всё это разом ушло куда-то далеко-далеко. Осталось только тепло этого существа у меня на руках, её преданное дыхание и дрожь. Чувство вины наконец растворилось, сменившись волной такой мощной, чистой любви, что у меня самого навернулись слезы. Я целовал ее мохнатую макушку под смешной шапочкой, ее морщинистый лоб, теплые бока.

– Всё, солнышко, всё. Я здесь. Я пришел. Идем домой. – шептал я, и каждое слово было словно обещание, словно клятва.

Момо, очевидно, поняла слово "домой". Она на мгновение оторвала морду от моей груди, посмотрела в глаза своим преданным, сияющим взглядом, полным безоговорочного доверия и любви, и снова ткнулась носом в шею. Ее дрожь стала чуть меньше. Она обрела свой центр мира. Она уже была дома, потому что ее дом, её мир – это был я, и никакая пижамка и шапочка не могли изменить этого.

Я поднял сумки одной рукой, крепче прижимая Момо другой.

– Спасибо, Сато-сан, спасибо за неё, – бросил я в сторону старушки, которая стояла в глубине квартиры всё это время и смахивала со щеки одинокие слезинки.

– Канэко-сан, – голос соседки дрожал, – давайте поужинаем, я специально Вас ждала.

Я на мгновение задумался, потом шагнул через порог, неся в руках самое главное – свой живой, теплый, любящий комочек, а сумки во второй руке вдруг стали невесомыми.

Кухня Сато Кийоко встретила нас теплом и густыми, знакомыми запахами. Пахло мисо-сиру с густым, наваристым бульоном, жареными овощами с кунжутным маслом и чем-то ещё, неуловимым и сладким.

Атмосфера маленькой квартирки была наполнена уютом, который успокаивал, заставляя невольно расслабиться. Стол, покрытый выстиранной до мягкости скатертью в мелкий синий цветочек, уже был накрыт, скромно, но с какой-то родительской любовью.

– Садитесь, садитесь, Канэко-сан! Все еще горяченькое! – Сато-сан засуетилась, подвигая табурет. Ее движения были точными, отработанными годами, но в глазах светилась неподдельная радость от гостей, которых у неё очень давно не было. Момо, устроившаяся на коврик у моих ног после того, как я снял с нее пижамную шапочку («чтобы не запачкалась», так я объяснил старушке), тут же получила свою порцию дикой лососятины в мисочку. Хруст раздался довольный и громкий, заполняя невольную паузу. Я взялся за палочки и отведал угощение. Готовит старушка великолепно. Без особых изысков, именно по-домашнему.

– Невероятно вкусно, Сато-сан. Спасибо Вам большое. И за Момо, – я кивнул на бульдожку, которая, кажется, уже мечтала о добавке. – Особенно за Момо.

– Пустяки, пустяки! – махнула рукой соседка, присаживаясь напротив. Ее взгляд упал на Момо, и в нем заплескались теплые искорки. – Она у Вас такая славная. Настоящая умница, хоть и местами упрямая, как все бульдоги. Напоминает мне... – она замолчала на секунду, будто

перебирая в памяти какие-то образы. Потом встала и подошла к старому комоду с множеством маленьких ящичков. – Вот, посмотрите.

Она открыла один из ящичков, покопалась там, и достала оттуда, но не фотографию, а небольшую керамическую фигурку бульдога. Но не французского, а скорее, английского – крупный, коренастый, с преувеличенной морщинистостью и очень серьезным выражением "лица". Глазки-бусинки смотрели с достоинством. Фигурка была явно старинная, покрытая сеточкой мелких трещинок – кракелюром.

– Это Цубаса, – сказала Сато Кийоко, ставя фигурку рядом с миской настоящего бульдога. Момо на секунду отвлеклась от еды, ткнула носом в холодный фарфор и фыркнула. – Он был у меня... ой, когда же это было... Даже не помню точно, столько уже лет прошло. Память ведь уже не та. – Она провела пальцем по спине фигурки, по гладкому месту, где когда-то, наверное, была краска. – Конечно, настоящий Цубаса, не игрушка. Английский бульдог, рыже-белый, большой и упрямый. На прогулке мог улечься посреди тротуара и ни с места, если решал, что пора домой, или что путь выбран неверный. Весь квартал знал его нрав!

Она рассмеялась, и смех ее был легким, почти ребячьим.

– Однажды, я тогда совсем молодая была, глупая, влюбленная, решила пойти на свидание к морю. А Цубаса – ни в какую! Уперся у самого выхода из квартала, тяну его, а он стоит как камень. Уговариваю, а он смотрит на меня с презрением, сел на зад, и все. Свидание сорвалось! – Сато Кийоко качала головой, но в глазах не было сожаления, только теплая ирония над собой молодой. – Парень тот потом злился, говорил, что я его дурачу. А я, не сразу, конечно, но поняла, что Цубаса был умнее меня. Парень оказался ветреным, а пес всегда был умным и верным, вот как твоя Момо. – Она ласково посмотрела на уже спящую собаку.

Я слушал её как замороженный. История была простая, бытовая, но в ней чувствовалась целая жизнь, любовь и та самая преданность, которую я знал по Момо.

– Сильный характер, – улыбнулся я, кивая на фигурку.

– Характер?! – фыркнула Сато-сан. – Упрямство чистой воды! Но зато какое сердце! Ох, как он любил детей! Это было уже лет пять спустя. Мой сынишка был ещё совсем маленьким, так он на нём ездил как на пони, а тот терпел. Только фыркал громко, если слишком дергал его за уши.

Она взяла фигурку, бережно протерла пыль с морды. – После него я долго других собак не заводила, слишком больно терять. Но и без них очень грустно. Вот только после Хару я уже никого и не завела. Сначала муж, потом мой Хару. – Она снова посмотрела на спящего бульдога с нежностью. – И вот появились Вы, Канэко-сан, а через Вас и снова собака дома. А теперь еще и внук снова есть в моей жизни. Когда думаешь, что жизнь подходит к концу, она внезапно начинает налаживаться, снова хочется жить.

Она улыбалась, но по морщинистым щекам снова катились слёзы. Момо, словно почувствовав свою необходимость, резко встала и подошла к старушке. Та с умилением стала гладить её по голове.

Успокоившись, она убрала фигурку обратно в комод, и повернулась ко мне.

– Так вот, о чем я. Завтра жду внука в гости. Он обещал приехать, навестить бабулю. – Она посмотрела на меня, и в ее взгляде читалась бесконечная признательность. – Приходите все вместе, и ты, и Момо. А он поможет тебе переехать, я уже об этом договорилась. – Она лукаво улыбнулась. Он хороший парень, и сердце у него доброе, как и у его отца. – Она подчеркнула последнюю фразу, и ее взгляд на мгновение стал размытым, очевидно на неё снова нахлынули воспоминания.

«И руки у него золотые,» – про себя добавил я, вспоминая наш совместный труд на складе. – «Жалко только растут оттуда, откуда и ноги».

Я с трудом сохранил спокойное выражение лица, лишь кивнул, доедая последний кусочек овощей.

– Конечно, Сато-сан. Спасибо огромное. И за Момо, и за ужин, и за помощь. И за историю про Цубасу. – Я встал и поклонился.

Моя благодарность была искренней, и сильно выходящей за рамки простой вежливости. Этот вечер, эта простая история о любви и упрямстве давно умершей собаки, теплый свет лампы над столом – все это было глотком чего-то настоящего, чистого, в противовес офисным интригам в Vallen.

– Пустяки, совершенные пустяки, – заулыбалась старушка, собирая пустые тарелки. – Главное, чтобы все были сыты и довольны. А завтра соберемся, перевезем ваши пожитки в новый дом. Будущее должно быть светлым. – Она сказала это с такой простой уверенностью, будто это был незыблемый закон мироздания.

Дремавшая Момо, почуяв движение, лениво открыла один глаз, зевнула и потянулась. Я осторожно завернул ее в одеяльце, которое Сато-сан любезно протянула. Момо слабо буркнула, утыкаясь теплой мордой в складки ткани.

– Пора, солнышко, идем пока домой, – прошептал я, беря её на руки. – Спасибо еще раз, Сато-сан, – произнёс я снова уже у двери, чувствуя, как уют этого дома обволакивает меня. Момо сладко посапывала у меня на руках, её бочка ритмично поднималась и опускалась. Старушка помахала мне рукой, её силуэт в свете дверного проема казался таким маленьким, но невероятно стойким.

– Спокойной ночи, Канэко-сан. Спокойной ночи, Момо-кун. Завтра увидимся. – И в ее глазах, когда она посмотрела на меня, держащего собаку, была та же нежность, с которой она говорила о фарфоровом Цубасе.

Утро встретило нас прохладой и кристальной прозрачностью. Воздух, еще не прогретый солнцем, пах влажной землей, свежескошенной где-то вдалеке травой и едва уловимыми нотами цветущих клумб. Я натянул легкую куртку, Момо бежала рядом, а её пижамка, которую я так и не осмелился снять с неё вчера, да и она сама была не против, выглядела немного нелепо на фоне раннего утра, но совершенно не смущала собаку.

Мы шли неспеша нашей обычной, привычной дорогой. Солнце, только что выкатившееся из-за крыш, бросало длинные, резкие тени. Каждая тропинка, каждый поворот парка был выжжен в моей памяти. Но сегодня все выглядело несколько иначе.

«Вот здесь, у этого старого клена с корнями, вылезающими на тропу, она впервые увидела белку и чуть не вывихнула мне руку, рванувшись за ней», – мысленно отметил я, глядя на дерево.

Момо, как будто услышав мои мысли, подошла к корням, обнюхала знакомое место и села, уставившись куда-то наверх в густую листву. Может, надеялась снова увидеть беличий хвост?

– А вот эта скамейка, – я коснулся рукой прохладной деревянной спинки. – Здесь мы сидели в тот день с Фудзиварой, а ты просто жевала найденную шишку и сопела.

Сегодня скамейка была пустой и слегка влажной от росы. Момо подбежала, сунула нос под сиденье, видимо, проверяя, не завалилась ли там шишка или еще что съедобное, и, не найдя ничего интересного, двинулась дальше, оставив на влажной земле четкие отпечатки лап.

Мы дошли до небольшого прудика. Утки, завидев Момо, лениво отплыли к центру, зная, что Персик совсем не пловец.

«А ведь первый раз ты попыталась зайти в воду. Дошла до живота, фыркнула от неожиданной прохлады и отскочила как ошпаренная. Больше не пыталась», – улыбнулся я, размышляя про себя.

Момо подошла к самой кромке воды, осторожно потянула носом воздух, посмотрела на уток, но даже не тявкнула. Просто постояла, словно отдавая дань месту.

Я достал из кармана телефон и начал снимать. Не постановочно, а просто ловя мгновения.

Крупный планом захватил Момо, уткнувшуюся носом в знакомый дуплистый пенёк у тропы – ее любимое место для интенсивного обнюхивания. Солнечный луч пробился сквозь листву, подсвечивая ее морщинистый лоб и серьезные глаза.

Общим планом отлично вышла Момо, несущаяся по узкой тропинке между кустами сирени, когда её уши и складки пижамки развевались на бегу. Она бежала не куда-то, а просто так, от радости движения, по знакомой земле. Истинный самурай, нет цели, есть лишь путь.

Отдельным снимком снял её лапы, уверенно ступающие по влажной земле тропы, оставляя знакомые следы, которых больше не будет здесь завтра.

– Ну что, девочка, – тихо сказал я, убирая телефон и присаживаясь на корточки.

Момо тут же подошла, тычась носом в мою ладонь, требуя ласки. Я почесал ее за ухом, в любимом месте.

– Запоминай, больше мы сюда не придём. – Голос был мягким, но в нём проскакивала грусть. – Новый парк будет больше, и зеленее. – Я говорил больше для себя, пытаюсь смириться с переменами, которых так ждал.

Мы еще немного постояли так, в тишине утра, нарушаемой лишь пением птиц и далеким гулом просыпающегося города. Я вдохнул полной грудью запах старого парка, этой смеси запахов травы и влажной земли, а затем аккуратно встал.

– Ладно, солнышко, нам пора, – произнёс я с грустью в голосе. Момо смотрела на меня, внимая каждому моему слову. – Бабушка ждет с завтраком, а там и Каору скоро приедет.

Момо тронулась с места, но на этот раз не побежала вперед, а шла рядом, плотно прижимаясь к моей ноге, ее теплый бок ощущался даже через ткань джинсов. Она шла, оглядываясь по сторонам, но уже без прежнего азарта исследователя, словно прощаясь. Прощаясь с каждым деревом, каждым кустом, каждой знакомой кочкой.

Дорога назад показалась гораздо короче, и вот уже на пороге нас ждал аромат свежего риса и мисо. Сато-сан выглянула в дверь, улыбаясь.

– А вот и наши путешественники! Заходите, заходите, чайник уже свистит. – Так понимая, Сато-сан караулила нас возле двери, – Каору тоже скоро будет.

Она взглянула на Момо в пижамке и тихонько рассмеялась: "Настоящая домашняя принцесса! "

Момо, услышав, что к ней обращаются, забыла о грусти парка и весело затопала на кухню, оставляя на чистом полу крошечные влажные следы от утренней росы. Я посмотрел ей вслед, потом обернулся, бросив взгляд на лестничную площадку. В груди слегка щемило, но это было лишь мгновение. Одна глава закрыта, а впереди – новая квартира, новые тропинки, новые запахи. И Момо рядом. А значит я уже не одинок в этом мире.

Глава 9

Судя по накрытому столу, всё утро у моей соседки прошло в приятной суете. Запахи с кухни манили, и не только меня. Момо, на этот раз в одном ошейнике (пижамка была бережно сложена с моими вещами, как сказала Сато-сан – «на память»), важно расхаживала под кухонным столом, проверяя, не упало ли что вкусненького. Сам же я периодически поглядывал в окно в ожидании Каору, тот, что в общем не удивительно, несколько задерживался.

Наконец к нашему дому подъехало такси, из которого вприпрыжку выбежал наш опоздун (или опоздавец, роли не играет). Вместо вырвиглазного прикида он был весьма демократично одет в синие джинсы и серую майку. Отлично, и бабулю не испугает, и не уделается на моём переезде. Хотя, сказать по-честному, те несколько коробок вещей, что остались после двойной ревизии, я мог оттараканить и сам.

– Канэко-кун, – поприветствовал он меня, войдя в квартиру. Вид у него был несколько замученный (видимо в предвкушении столь нелюбимого физического труда), но, когда он увидел Момо, выбежавшую навстречу с довольным фырканьем, его лицо смягчилось.

– А вот и главный участник переезда. Готова к труду и обороне? – он присел, позволив Момо обнюхать протянутую руку. Та благосклонно ткнулась носом в ладонь и даже позволила почесать себя за ухом.

– Она больше готова к обороне дивана, – усмехнулся я, чувствуя, как напряжение последних дней начинает наконец меня отпускать. – Спасибо, что приехал, Сато-кун, ты меня этим очень выручишь.

– Пустяки, – отмахнулся Каору, поднимаясь с колен. – Бабушка приказала – я выполню, шутливо произнёс он. – Да и это хороший повод встретиться с тобой, наше последнее рандеву, мягко скажем, не удалось. – В его глазах мелькнула усталость, намекающая, что и в его мире Vallen не все гладко. Он посмотрел на Сато Кийоко, стоявшую в дверях. – Привет, бабуля. – Сказал просто, тепло и без лишнего пафоса, они просто обменялись взглядами, полными молчаливого понимания. Из случайного разговора с соседкой я узнал, что они каждый вечер подолгу общаются по видеосвязи, навёрстывая годы разлуки.

После такого сытного и вкусного завтрака заниматься транспортировкой своих пожитков, мягко говоря, желания не было. Но и откладывать в долгий ящик я не планировал, поэтому спустя полчаса неторопливых разговоров о жизненных пустяках я с нарочитым кряхтением поднялся, поблагодарил хозяйку и направился к двери. Каору с грустным лицом был вынужден последовать за мной.

Зайдя к моя квартиру, Каору бегло оглядел её и произнёс:

– Ну что ж, довольно мило, – с иронией произнёс он и добавил, – и компактно.

– Ага, и удобно, – съязвил я, – как хомяку в стеклянной банке.

Моё жилище было практически пустым, немногочисленная старая мебель не в счёт, однако дух обжитого дома еще не выветрился до конца. Тонкие нотки старины, пыли и прочих невкусных ароматов висел в воздухе. Сколько я ни старался, вытравить его у меня не вышло. Слишком долго моё прежнее альтер эго тут свинячило

– Как ты тут вообще жил? – Каору всё-таки не выдержал, – тем более с собакой.

– Комфортно, – ответил я, – и очень уютно. Но в последнее время нам стало катастрофически не хватать места. Могу предложить тебя вместо себя, пока управляющий никому её не сдал. И к бабушке поближе.

– Нет-нет, – парень замахал руками, словно пытался взлететь, – знаешь, я лучше поезжу. В этой, извини меня, капсуле для сна, у меня разовьётся клаустрофобия.

– Клаустрофобия? – переспросил я с серьезным лицом, – это боязнь Санта Клаусов?

– Очень смешно, – Каору скорчил обиженную мину, – правда, никак не возьму в толк, что ты только сейчас решил сменить место жительства. Хотя эту недоквартиру правильнее обозвать арт-объектом и водить сюда экскурсии, строго по одному. – Он захохотал.

– Спасибо за столь рациональное предложение, – ответил я, но у меня уже есть работа. Во всяком случае пока.

– Что-то не так? – парень посмотрел на меня и в его глазах я заметил беспокойство, – я думал у тебя там всё схвачено.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «Литрес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на Литрес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.